

*АНТОЛОГИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ*

В. Г. Павлов
**ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ**

Антология юридической науки

Владимир Павлов
Избранные труды

«Юридический центр»

2013

ББК 67.408

Павлов В. Г.

Избранные труды / В. Г. Павлов — «Юридический центр»,
2013 — (Антология юридической науки)

Юбилейное издание представляет собой сборник, в который вошли научные труды по уголовному праву и криминологии за период 1985–2012 гг. Определенный интерес в книге вызывают статьи и тезисы выступлений, а также некоторые разделы монографий. Рассмотренные проблемы актуальны и в настоящее время, представляющие научный интерес у теоретиков и практиков в современных условиях предупреждения преступлений. Для преподавателей, аспирантов, студентов юридических учебных заведений и широкого читателя, интересующегося вопросами уголовного права и криминологии.

ББК 67.408

© Павлов В. Г., 2013

© Юридический центр, 2013

Содержание

Слово об авторе и его произведениях	6
Раздел I	10
Вопросы уголовной ответственности за ведение паразитического образа жизни[2]	10
Структурные особенности лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда[20]	17
Уголовное законодательство в борьбе с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда (1961–1986 гг.)[27]	21
Современные тенденции советской уголовно-правовой политики[35]	25
уголовная политика и проблемы правовой защищенности личности[48]	30
Субъект преступления в зарубежном уголовном праве[54]	33
Новый уголовный кодекс Российской Федерации[96]	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

В. Г. Павлов

Избранные труды

© В. Г. Павлов, 2013

© С. Ф. Милюков, вступительная статья, 2013

© ООО «Юридический центр-Пресс», 2013

* * *

Павлов Владимир Григорьевич

Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

*Сердечно поздравляем Владимира Григорьевича Павлова с юбилеем
Желаем крепкого здоровья, творческих успехов, новых научных исследований
и дальнейшего плодотворного сотрудничества
Коллектив издательства «Юридический центр-Пресс»*

Слово об авторе и его произведениях

Российское общество и государство переживают нелегкие времена.

Многие не верят в благополучный исход глубокого социального, экономического, военного и духовно-нравственного кризиса, в коем пребывает Россия с конца 80-х годов прошлого века. Но именно отечественная история, в том числе новая и новейшая, дает повод для оптимизма. Не графы и князья, а простые рабочие, крестьяне, скромные интеллигенты спасли наше государство от внутренних усобиц и иностранных интервентов, сломали хребет нечеловеческой мощи фашистской машины. За несколько лет они восстановили разрушенные фабрики, заводы, школы, больницы, покорили космическое пространство.

Конечно, юриспруденция – это не квантовая механика или самолетостроение. Здесь сложнее открыть принципиально новое, способное удивить миллионы людей. Но и наша досоветская и советская юридическая наука оказалась способной предложить законодателю обобщенные и оригинальные решения по обеспечению правопорядка, защите интересов самых широких слоев населения, которое ныне подвергается невиданному криминальному гнету и брошено на произвол судьбы самодостаточной полицией и прочими «силовыми» структурами.

Мы представляем вам человека с обычной для послевоенной эпохи, но в то же время удивительной судьбой. Кто в настоящее время способен стать ученым, офицером, музыкантом, спортсменом?!

Владимир Григорьевич Павлов достиг больших высот во всех начинаниях: он мастерски овладел сложными рабочими профессиями на профессиональном уровне исполняет музыкальные произведения (тромбон), честно дослужился до полковничьих погон, овладев всеми милицескими навыками – оперативными, следственными, организационно-политическими. Он активно занимается спортом и готов посоревноваться на равных с теми, кто моложе его на 20–30 лет. Вырос до великолепного педагога-наставника и, наконец, стал известным ученым-правоведом.

Родился Владимир Григорьевич 5 сентября 1945 года в г. Рыбинске Ярославской области в семье рабочих. После окончания в 1964 году средней школы-интерната № 2 г. Рыбинска и службы в Вооруженных Силах СССР работал на приборостроительном заводе слесарем-сборщиком в Рыбинске, а затем – на знаменитом Кировском заводе в Ленинграде.

В 1975 году закончил старейший и ведущий российский вуз Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова (юридический факультет). Учился у всемирно известных ученых-правоведов, таких как Н. А. Беляев, Н. С. Лейкина, О. С. Иоффе, В. З. Лукашевич, В. В. Орехов, А. С. Пашков, С. И. Русинова, В. С. Прохоров, Ю. К. Толстой, И. Г. Филановский, М. Д. Шаргородский и др.

После обучения в ЛГУ В. Г. Павлов более 9 лет проходил службу непосредственно в низовых и высших подразделениях ГУВД г. Ленинграда и Ленинградской области. Работал следователем Кировского РУВД, заместителем начальника отделения милиции, инспектором управления охраны общественного порядка названного ГУВД, служил и в других подразделениях органов внутренних дел.

Будучи опытным юристом-практиком, В. Г. Павлов постоянно совершенствовал свой профессионализм, совмещая практическую работу с научной и общественной, и уже тогда интересовался наукой. В 1984 году он переходит на преподавательскую работу в высшие учебные заведения МВД СССР. Под руководством профессора Н. С. Лейкиной была подготовлена, а в 1986 году успешно защищена в родном Ленинградском государственном университете кандидатская диссертация, посвященная криминологическим и уголовно-правовым проблемам борьбы с социальным паразитизмом. Сейчас эта тема кое у кого может вызвать снисходительную улыбку. Но это будет улыбка профана. Борьба с туеядством и бродяжничеством – это

не порождение больной фантазии большевиков, а государственной важности задача, которую со всем тщанием пытались решить и в средневековой Англии и в царской России. Босаки (гулящие люди) в эпохи перемен сокрушали царские династии, стекались к Разину, Пугачеву, Махно. Сегодня мы видим их на улицах бушующих восточных городов – Каира, Триполи, Дамаска...

Осуществляя на высоком профессиональном уровне научно-педагогическую деятельность, В. Г. Павлов успешно прошел все ступени – от преподавателя до профессора Санкт-Петербургского университета МВД России. За высокий профессионализм и мужество, проявленные им на воинской службе и службе в органах внутренних дел, он награжден государственными наградами: в 1965 году – юбилейной медалью «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в 1980 году – медалью «За отличную службу по охране общественного порядка», а также ведомственными медалями МВД СССР «За безупречную службу» III, II и I степени. Общий стаж его работы в органах внутренних дел составляет 29 лет, специальное звание – «полковник милиции».

Имея высокую теоретическую и профессиональную подготовку, большой опыт практической работы, он умело использует свои знания в научно-педагогической деятельности на протяжении уже почти 30 лет.

В. Г. Павлов принимает активное участие в подготовке молодых ученых-юристов. Осуществляет научное руководство по написанию кандидатских, а также консультирование докторских диссертаций. Многие из его учеников защитили кандидатские, а некоторые – С. С. Молдабаев (1998 г.), С. А. Денисов (2002 г.) и М. Ю. Павлик (2006 г.) – докторские диссертации и работают на руководящих должностях в правоохранительных органах в различных регионах России и в странах ближнего зарубежья. Стал хорошим ученым-юристом и педагогом его сын Дмитрий – старший офицер полиции.

С 1998 г. В. Г. Павлов избирается заведующим кафедрой уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургской юридической академии. После защиты в 2000 году докторской диссертации на тему: «Субъект преступления: история, теория и практика» с 2002 по 2007 год являлся заместителем декана юридического факультета по научной работе и одновременно заведовал кафедрой уголовно-правовых дисциплин Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, куда и вернулся (на ту же должность) в конце 2011 года.

Более 10 лет В. Г. Павлов является членом Диссертационного совета Санкт-Петербургского университета МВД России, активно участвуя в его работе в качестве официального и неофициального оппонента, а также эксперта диссертационных исследований кандидатского и докторского уровня.

Широкий кругозор и высокий теоретико-методологический уровень позволяют профессору В. Г. Павлову в своих глубоких и аргументированных трудах, на конгрессах, научно-практических конференциях, симпозиумах, семинарах международного, федерального и регионального уровней, формулировать и делать конкретные предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства и практики его применения.

28 марта 2002 года на основании Устава Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ) В. Г. Павлов избран ее действительным членом (академиком). За большие заслуги в научно-педагогической деятельности по подготовке и воспитанию научных и высококвалифицированных юристов, в деле укрепления законности и правопорядка, а также развития юридической науки В. Г. Павлову 17 января 2005 года Указом Президента РФ присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». 29 апреля 2010 года решением Президиума МАНЭБ он был награжден медалью имени М. В. Ломоносова.

Самой высокой оценки заслуживают его достижения в следующих областях научных исследований: субъект преступления в теории и практике отечественного, а также зарубеж-

ного уголовного права, теоретические и прикладные проблемы уголовной ответственности, личность преступника, «фоновые» негативные социальные явления, проблемы предупреждения отдельных видов преступлений и др.

В. Г. Павлов – автор свыше 200 научных и учебно-методических трудов по уголовному праву, криминологии и уголовно-исполнительному праву. Соавтор более 10 учебников по уголовному праву и криминологии, включая двухтомный энциклопедический учебник уголовного права (2011 г.).

К наиболее интересным и важным работам следует отнести: «Проблемы борьбы с социальным паразитизмом и деятельность органов внутренних дел по его предупреждению: Учебно-методическое пособие» (Л., 1989); учебники по криминологии (СПб., 1995, 1998, 1999 в соавторстве); «Субъект преступления в уголовном праве: историко-правовое исследование» (М.; СПб., 1999); «Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие» (СПб., 2001, в соавторстве); «Специальный субъект преступления: Учебное пособие» (СПб., 2005); «Российское уголовное право: Учебное пособие» (СПб., 2006, в соавторстве); «Уголовное право. Общая часть: Курс лекций» (СПб., 2008, в соавторстве); «Уголовное право. Особенная часть» (СПб., 2010, в соавторстве).

Среди научных трудов учебного характера следует отметить и участие В. Г. Павлова в подготовке и написании Энциклопедии уголовного права в 35 томах. Он является соавтором 4-го тома («Состав преступления»), опубликованного в 2005 году и переизданного в 2010 году, а также соавтором 21-го тома по Особенной части («Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»), который опубликован в 2012 году.

Представленные в сборнике работы отражают основные вехи творческой биографии В. Г. Павлова. В нем собраны главные его научные труды, начиная с 1985 года и по настоящее время.

В сборник избранных трудов включены извлечения (фрагменты) из четырех наиболее значимых для уголовно-правовой теории и практики монографий автора: «Субъект преступления и уголовная ответственность» (СПб., 2000); «Субъект преступления» (СПб., 2001); «Уголовная ответственность за хулиганство и вандализм» (СПб., 2011); «Квалификация преступлений со специальным субъектом» (СПб., 2011).

Главным научным вкладом В. Г. Павлова в юридическую теорию и практику следует, без сомнения, отнести фундаментальную разработку учения о субъекте преступления. К исходу XX века в отечественной науке уголовного права сложилось парадоксальное положение: на фоне интенсивной разработки большого числа проблем без должного внимания остался вопрос о субъекте общественно опасной деятельности как неотъемлемом элементе состава преступления. Все сводилось к повторению уже накопленных в этой сфере знаний в издаваемых учебниках и комментариях Уголовного кодекса (исключением были лишь вопросы вменяемости-невменяемости, где несомненны заслуги Р. И. Михеева и позднее присоединившегося к научному поиску Г. Н. Назаренко). Достаточно сказать, что в большинстве источников фигурировали всего две основные публикации – монография В. С. Орлова (1958 г.) и брошюра В. А. Владимирова и Г. А. Левицкого (1964 г.).

Владимир Григорьевич творчески осмыслил разработки его научных предшественников и дал мощный импульс развитию учения о субъекте преступления. Докторская диссертация и ряд его книг по данной проблематике получили высокую оценку в монографической, диссертационной и учебной литературе, а также в центральных юридических журналах.¹

Логическим продолжением этих трудов стала монография, посвященная специальному субъекту преступления, подготовленная к печати ещё в 2008 году, но вышедшая в свет лишь на исходе 2011 года.

---

¹ См.: Правоведение. 2000. № 3. С. 256–258; Уголовное право. 2003. № 1. С. 137–138.

Тем самым был восполнен обширный теоретико-прикладной пробел, поскольку в целостном виде проблемы квалификации преступлений со специальным субъектом на монографическом уровне не рассматривались с советских времен (см. монографии Р. Орымбаева (1977 г.) и В. В. Устименко (1989 г.)).

Как видно, В. Г. Павлову чужда сиюминутная конъюнктура – он смело берется за недостаточно исследованные научные проблемы. Это ярко проявилось и в цикле работ, посвященных проблемам хулиганства и вандализма. Высказанные при этом идеи в обобщенном виде представлены в монографии 2011 года издания. Если в 60–70 годы прошлого века под влиянием решительной борьбы советского государства с агрессивными-анархическими проявлениями (вспомним известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г.) тема хулиганства была «модной», то сейчас она явно ушла в тень. Однако само хулиганство никуда не исчезло. Хулиганы, наряду с тунеядствующими элементами (о чем шла речь выше), могут сыграть серьезную роль в социально-политических конфликтах, которыми чревата современная обстановка в России.

Многолетняя интенсивная научная, педагогическая деятельность не изменила натуру Владимира Григорьевича. Он остается скромным, отзывчивым, доброй души человеком, с хорошим чувством незлобного юмора, прекрасным организатором научно-педагогической деятельности. В этом не раз мог убедиться автор данных строк, работая с В. Г. Павловым в различных юридических учебных заведениях на равнозначных должностях, а также в качестве его начальника и подчиненного.

*Профессор С. Ф. Милуков,
соратник и единомышленник*

Раздел I

Научные статьи

Вопросы уголовной ответственности за ведение паразитического образа жизни²

В условиях развитого социализма борьба с преступностью как социальным явлением приобретает все более важное значение. Одно из направлений предупреждения преступности – борьба правоохранительных органов с лицами, не желающими работать, ведущими паразитический образ жизни.

В соответствии со ст. 60 Конституции СССР уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами нашего общества. Лица, вставшие на путь паразитического существования и не желающие работать, наносят большой экономический и моральный вред Советскому государству, создают дефицит рабочей силы, что объективно выключает из экономического потенциала страны определенную часть трудовых ресурсов.

Повышенная общественная опасность тунеядства обусловлена еще и тем, что оно не только чуждо принципам социализма, но и является питательной средой для многих других преступлений. Неработающие лица нередко совершают имущественные, насильственные и другие опасные преступления, живут на нетрудовые доходы.

XXVI съезд КПСС указал на необходимость организационными, финансовыми, юридическими средствами накрепко закрыть всякие щели для антиобщественных проявлений, в частности тунеядства.

Эта же мысль с новой силой и убедительностью прозвучала в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС тов. М. С. Горбачева на торжественном заседании, посвященном 40-летию Победы, в котором он особо подчеркнул, что необходимо поставить прочный заслон различным отклонениям от социалистических принципов и всякого рода негативным явлениям, полностью перекрыть все источники нетрудовых доходов при одновременном повышении роли поощрения за добросовестный и эффективный труд.³

Об усилении борьбы с преступлениями, другими антиобщественными явлениями, и в частности с тунеядством, шел предметный разговор на состоявшемся в Москве 13–15 ноября 1984 г. Всесоюзном научно-координационном межведомственном совещании ученых-юристов и практических работников правоохранительных органов, посвященном обсуждению важной темы – «Связь юридической науки и практики». В его работе участвовали ответственные работники ЦК КПСС, советов министров СССР и РСФСР, министерств и ведомств.

Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков отметил, что задачей, выдвинутой на передний план самой жизнью, является решительная борьба с тунеядством, нетрудовыми доходами и различными формами паразитирования. Необходимо принять меры по трудоустройству всех трудоспособных тунеядцев, установить за ними социальный контроль, помочь им вернуться к нормальному трудовому ритму и жизни общества, перекрыть каналы нетрудовых доходов.⁴ В своем докладе министр внутренних дел В. В. Федорчук указал на нерешенные про-

---

² Печатается по: Павлов В. Г. Вопросы уголовной ответственности за ведение паразитического образа жизни // Правоведение, 1985, № 5, с. 23–28.

³ Правда, 1985, 9 мая.

⁴ Рекунков А. М. Важные проблемы укрепления социалистической законности. – Советское государство и право, 1985, № 2, с. 16–17.

блемы, связанные с усилением профилактики пьянства, хулиганства, тунеядства, рецидивной преступности.⁵

Уголовно-правовая борьба с паразитическим существованием лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда, ведется в настоящее время в соответствии со ст. 209 УК РСФСР. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 октября 1982 г. в нее внесены изменения, позволяющие уточнить юридические основания ответственности за тунеядство.⁶

Статья 209 УК РСФСР устанавливает ответственность за три разные формы паразитического существования, образующие самостоятельные составы преступления, – занятие бродяжничеством, попрошайничеством, ведение иного паразитического образа жизни.

В юридической и общественно-политической литературе часто все лица, ведущие такой образ жизни в любой из указанных форм, именуются тунеядцами. В статье рассмотрено ведение иного паразитического образа жизни в уголовно-правовом смысле.

В соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1984 г. «О порядке применения статьи 209 Уголовного кодекса РСФСР» под ведением иного паразитического образа жизни следует понимать длительное, более 4 месяцев подряд или более 4 месяцев в общей сложности в течение года проживание совершеннолетнего трудоспособного лица на нетрудовые доходы с уклонением от общественно полезного труда.⁷

Обязательной предпосылкой привлечения к уголовной ответственности по ст. 209 УК РСФСР является официальное предостережение такому лицу о недопустимости подобного образа жизни. Оно предъявляется органом внутренних дел под расписку. Органы милиции предупреждают о привлечении к уголовной ответственности в случае прекращения паразитического образа жизни. Одновременно разъясняется необходимость трудоустроиться в месячный срок и возможность получения помощи в этом отношении со стороны исполнительного комитета местного Совета.⁸

На исполкомы местных Советов, в свою очередь, возложена обязанность обеспечить трудовое и бытовое устройство лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда, с учетом имеющейся у них специальности, квалификации, образования не позднее 15-дневного срока со дня обращения за содействием в трудоустройстве. Предписания исполкомов об устройстве на работу данной категории лиц обязательны для руководителей предприятий, учреждений и организаций.

Если по истечении месячного срока после сделанного официального предостережения лицо не трудоустроилось и продолжает уклоняться от общественно полезного труда, проживает на нетрудовые доходы, пьянствует, органы милиции решают вопрос о привлечении его к уголовной ответственности за ведение иного паразитического образа жизни.

Таким образом, для привлечения к уголовной ответственности по ст. 209 УК РСФСР за рассматриваемое преступление необходимо: установление длительного уклонения от труда, проживание на нетрудовые доходы и ведение виновным антиобщественного образа жизни.

Применение на практике уголовно-правовой нормы об ответственности за ведение иного паразитического образа жизни вызывает у работников правоохранительных органов в ряде случаев затруднения.

Один из важных вопросов, подлежащих решению при привлечении тунеядцев к уголовной ответственности, – определение начального момента уклонения от общественно полезного труда. В практике он решается по-разному. Нет единого мнения и среди ученых-юристов. Одни

---

⁵ Федорчук В. В. Укреплять научные основы деятельности органов внутренних дел. – Там же, № 3, с. 13–14.

⁶ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» от 11 октября 1982 г. – Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1982, № 41, ст. 1513.

⁷ Там же, 1984, № 51, ст. 1793.

⁸ Там же.

считают, что отсчет следует вести с момента фактического уклонения от работы,⁹ другие – от даты увольнения с места работы или отчисления из учебного заведения, указанной в приказе администрации, а при окончании учебы – с момента получения соответствующего документа.¹⁰ Более верна вторая точка зрения, так как она позволяет избежать ошибок и неточностей, которые могут возникнуть при решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности за ведение иного паразитического образа жизни в период производства дознания и предварительного следствия. Момент же фактического начала уклонения от труда на практике очень редко удастся подтвердить документом или зафиксировать каким-либо иным образом. Сами тунеядцы, как показало исследование, проведенное в Ленинграде в 1982–1983 гг., ссылаются на всевозможные причины и обстоятельства, которые якобы помешали им трудоустроиться в установленный законом срок.

Трудности вызывает и понимание такого важного основания и условия привлечения лица к уголовной ответственности в период уклонения от общественно полезного труда, как проживание правонарушителя на нетрудовые доходы.

Общая норма, выражающая отрицательное отношение нашего общества к извлечению нетрудового дохода применительно к использованию имущества, находящегося в личной собственности граждан или в их пользовании, содержится в ст. 13 Конституции СССР. Статья 25 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик раскрывается и в соответствующих статьях гражданских кодексов. Смысл этого конституционного положения не может быть ограничен только рамками гражданского законодательства. Оно имеет значение и для уголовного права, в частности при решении вопроса о привлечении тунеядцев к ответственности за ведение паразитического образа жизни.

Содержание понятия нетрудового дохода в законодательстве не дается. В юридической литературе оно анализируется многими авторами и раскрывается с точки зрения своего социального, общественного, экономического, юридического, правового и т. п. содержания.¹¹

Так, Ю. К. Толстой нетрудовой доход определяет как доход, полученный в результате правонарушения, причем не за счет личного производительного труда, а за счет других источников.¹² Г. К. Костров считает нетрудовым доходом «имущественное приращение, не эквивалируемое трудовыми затратами приобретателя и полученное способом, не разрешенным законом».¹³

Наиболее точно определение нетрудового дохода дано В. П. Грибановым: «Под нетрудовым доходом следует понимать доход, полученный приобретателем неправомерным способом и без приложения собственного труда, либо хотя и с приложением собственного труда, но при наличии присвоения результатов чужого труда в той или иной форме».¹⁴

В этом определении подчеркнуты:

- 1) неправомерность способов получения нетрудовых доходов;
- 2) отсутствие приложения собственного труда;
- 3) использование чужого труда наряду с приложением собственного.

⁹ Худяков Е. А. Эффективность применения норм с административной преюдицией. М., 1981, с. 28.

¹⁰ Ляпунов Ю. И. Ответственность за тунеядство. М., 1982, с. 23.

¹¹ Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972, с. 119; Маслов В. Ф. Основные проблемы права личной собственности в период строительства коммунизма в СССР. Харьков, 1968, с. 213; Советское гражданское право. Учебник для средних юридических учебных заведений. М., 1977, с. 145.

¹² Советское гражданское право, ч. 1. Л., 1982, с. 279.

¹³ Костров Г. К. 1) О правовых средствах борьбы с извлечением нетрудовых доходов. – В кн.: XXVI съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка. М, 1982, с. 124; 2) Социально-правовые средства борьбы против нетрудовых доходов. – Советское государство и право, 1985, № 4, с. 16, и др.

¹⁴ Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав, с. 130.

В последнем случае присвоение результатов чужого труда может осуществляться, например, путем реализации произведенной продукции по спекулятивным ценам.

Уголовно-правовое содержание понятия нетрудового дохода имеет свои отличительные черты. Определение нетрудовых доходов, данное в постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1984 г., истолковано в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 декабря 1984 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за занятие бродяжничеством или попрошайничеством либо ведение иного паразитического образа жизни» как доходы, полученные противоправным способом.¹⁵

К последним относятся доходы, полученные от совершения преступлений (попрошайничества, мошенничества, вымогательства, краж, занятия запрещенным промыслом, спекуляции, содержания притонов и других преступлений), доходы от совершения административных правонарушений (сбора дикорастущих плодов, орехов и ягод с нарушением установленных сроков их сбора, использования транспортных средств в целях личной наживы, мелкой спекуляции и т. п.), а также при нарушении норм других отраслей права.

В уголовно-правовой литературе высказано мнение, что под нетрудовыми следует понимать и доходы, полученные способами, противоречащими нормам социалистической морали, без приложения собственного труда.¹⁶ К таковым можно отнести доходы от проституции, азартных игр, гадания и т. п.

Выборочное изучение уголовных дел о ведении иного паразитического образа жизни, проведенное нами по материалам Кировского районного народного суда г. Ленинграда, показало, что источниками существования лиц, привлеченных к уголовной ответственности за рассматриваемое преступление, являлись как средства, полученные преступным путем, так и доходы, получение которых противоречило нормам социалистической морали. По большинству изученных уголовных дел паразитирование выражалось в проживании за счет родителей (отца, матери – 48,5 %), жены (мужа – 13,5 %), сожительницы (сожителя – 13 %), близких родственников – 10 %, на средства бывшей жены (мужа – 3,5 %) и т. п. В некоторых случаях источником существования являлось нахождение на иждивении друзей и знакомых. 0,5 % тунеядцев проживало на доходы, получаемые от эксплуатации жилой площади. За счет средств, приобретенных в результате хищений, краж, грабежей и других преступлений, существовало 3,5 % осужденных.

Характерно в этом отношении уголовное дело Б., в прошлом неоднократно судимого за различные преступления, который после освобождения в 1982 г. из мест лишения свободы продолжал заниматься преступной деятельностью. Являясь трудоспособным, Б. нигде не работал более 4 месяцев в общей сложности в течение года, проживал на нетрудовые доходы, приобретенные в результате совершения корыстных преступлений, а также на средства матери-пенсионерки, вел антиобщественный образ жизни. В апреле 1983 г. народным судом Кировского района Ленинграда он осужден одновременно за ведение иного паразитического образа жизни, кражу личного имущества граждан (по ст. 144, ч. 2, УК РСФСР) и грабеж (по ст. 145, ч. 2, УК к 7 годам лишения свободы).¹⁷

Из этого дела видно, что в период длительного уклонения от общественно полезного труда Б. вел антиобщественный паразитический образ жизни, жил на нетрудовые доходы, получаемые противоправными способами и способами, противоречащими нормам социалистической морали, без приложения собственного труда. При таких обстоятельствах Кировский районный народный суд обоснованно указал в приговоре, что средствами существования Б. были

¹⁵ Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1984, № 51, ст. 1793; Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1985, № 3, с. 5.

¹⁶ М. Г. Миненок понимает под доходом всякую выгоду имущественного и неимущественного характера, несоразмерную вложенному труду и противоречащую нормам права и морали (Миненок М. Г. Социальная сущность корысти и ее классификация. – В кн.: Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам. Сб. науч. тр., вып. 12. Калининград, 1984, с. 120).

¹⁷ Архив народного суда Кировского района Ленинграда, дело № 1–389/83.

нетрудовые доходы, получаемые из различных источников, что в конечном итоге и привело тунеядца на скамью подсудимых.

Известные сложности вызывает решение вопроса о возможности привлечения к уголовной ответственности лиц, которые в период уклонения от общественно полезного труда изредка эпизодически выполняют работы, приносящие незначительный доход, не являющийся постоянным источником существования. Анализ уголовных дел показывает, что такие случаи распространены. Так, 6,5 % тунеядцев проживали на средства, изредка получаемые от случайных заработков при выполнении редких и эпизодических преимущественно погрузо-разгрузочных работ на овощных базах, железнодорожных станциях, рынках и в других местах. У 3,5 % осужденных источником существования в течение некоторого времени служили средства, получаемые от сбора и сдачи стеклотары, вторсырья, макулатуры и т. п. На средства, получаемые от сбора и продажи дикорастущих растений, плодов, ягод, грибов, жило 2,5 % тунеядцев. Около 2 % привлеченных к уголовной ответственности за уклонение от общественно полезного труда получали средства существования от выполнения различных работ и услуг для граждан.

Выполнение указанных работ не является нарушением закона и полученные за них средства не могут быть признаны нетрудовым доходом. В нашей стране разрешается индивидуальная трудовая деятельность в сфере кустарно-ремесленных промыслов, сельского хозяйства, бытового обслуживания населения, а также другие допускаемые законом виды деятельности, основанные исключительно на личном труде граждан и членов их семей. Государство регулирует эту деятельность, обеспечивая ее использование в интересах общества (ст. 17 Конституции СССР).

Однако в случаях, когда ведение паразитического антиобщественного образа жизни, уклонение от общественно полезного труда, проживание на нетрудовые доходы длится продолжительный период времени или составляет более 4 месяцев в течение года, за исключением тех дней, которые были затрачены на эпизодические работы, давшие случайные заработки, лицо подлежит ответственности по ст. 209 УК РСФСР.

Изучение судебной практики показало также, что антиобщественный паразитический образ жизни, который ведут лица в период уклонения от общественно полезного труда и проживания на нетрудовые доходы, сопровождается, как правило, различными формами аморального поведения. Деморализация личности, заключающаяся в злоупотреблении спиртными напитками, разгульной жизни, бесцельном времяпрепровождении, нередко происходит уже задолго до осуждения за тунеядство. В конечном итоге именно это и приводит к совершению правонарушений и утрате всякого интереса к общественно полезному труду. Анализ образа жизни тунеядцев и проведенное исследование показывают, что каждый второй из них подвергался до осуждения задержанию за пьянство, сравнительно большая часть – за совершение в нетрезвом состоянии мелкого хулиганства и почти девятая часть совершала другие административные правонарушения. Указами Президиума Верховного Совета СССР и Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 мая 1985 г. установлены строгие меры ответственности за пьянство и попустительство ему, что будет иметь существенное значение для борьбы с тунеядством.¹⁸

Таким образом, для привлечения лица к уголовной ответственности за ведение иного паразитического образа жизни по ст. 209 УК РСФСР в комплексе условий должно быть также антиобщественное поведение.

---

¹⁸ См. Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством» и Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения». – Ведомости Верховного Совета СССР, 1985, № 21, ст. 369; Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1985, № 21, ст. 738.

В законодательстве установлен четкий круг субъектов, относящихся к категории нетрудоспособного (в юридическом смысле) населения, а также лиц, на которых по другим обстоятельствам не распространяется всеобщая для членов нашего общества обязанность трудиться. По этим причинам не могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 209 УК РСФСР за ведение иного паразитического образа жизни граждане, не достигшие 18-летнего возраста, инвалиды I, II и III групп, женщины старше 55 лет и мужчины старше 60 лет, пенсионеры, беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до 12 лет, а также лица, занимающиеся ведением домашнего хозяйства.

Важное значение при решении вопроса о привлечении лица к ответственности по ст. 209 УК РСФСР имеет оценка его труда по ведению домашнего хозяйства и уходу за ребенком. В жизни не всегда оказывается возможным сочетать такой труд с трудом на предприятиях, учреждениях, организациях. Государство оказывает значительную помощь семьям в воспитании детей. Для этих целей, например, матерям предоставляется отпуск и денежное пособие в течение определенного законом времени. В семьях, где объем домашних работ значителен и выполнение их может быть обеспечено неработающим супругом, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми приравнивается к общественно полезному труду в народном хозяйстве. В случаях, когда в семье предпочтительным является выполнение такого труда женщиной, поскольку профессия и квалификация женщины дают возможность лучше обеспечить семью материально, ведение мужем домашнего хозяйства должно расцениваться как занятие общественно полезным трудом. Это имеет место и тогда, когда в семье нет детей, а также при осуществлении лицом соответствующего ухода за больными и престарелыми членами семьи и другими нетрудоспособными гражданами.

Таким образом, отнюдь не во всех случаях, когда гражданин длительное время не работает в системе народного хозяйства, возможно привлечение к ответственности за уклонение от общественно полезного труда. Полноценная занятость в домашнем хозяйстве по обслуживанию семьи и воспитанию детей, а также в указанных выше случаях исключает возможность привлечения человека к ответственности за тунеядство.

Это положение, однако, не может быть применено, если муж фактически проживает на нетрудовые доходы, ведет антиобщественный образ жизни и, ссылаясь на домашний труд, длительное время уклоняется от общественно полезного труда. Данные условия в полной мере относятся и к женщинам, которые прикрываются ведением домашнего хозяйства, а на самом деле ведут антиобщественный паразитический образ жизни.

На многие из рассмотренных здесь обстоятельств обращено внимание в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 28 июня 1973 г. «О судебной практике по делам о нарушении паспортных правил, систематическом занятии бродяжничеством или попрошайничеством, а также ведении в течение длительного времени иного паразитического образа жизни». В нем указано, что «судам надлежит выяснять данные о личности привлеченного к ответственности по ст. 209 УК РСФСР... в частности, трудоспособность, возраст, семейное положение, наличие судимости, а также источники существования, причины ведения паразитического образа жизни и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного решения вопроса о виновности, квалификации преступления и назначении наказания».¹⁹

Для правильной квалификации рассматриваемого преступления существенное значение имеет оценка субъективной стороны, которая характеризуется наличием прямого умысла. Тунеядцы сознают факт уклонения от общественно полезного труда и ведения ими паразитического образа жизни, желают вести такой образ жизни. Мотивы и цели уклонения от общественно полезного труда заключаются в стремлении не работать, вести паразитический образ жизни за счет общества и его членов. Сами осужденные по-разному формулируют свои мотивы

¹⁹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1977 гг., ч. 2. М., 1981, с. 286.

к ведению иного паразитического образа жизни, например: «устраивало проживание на нетрудовые доходы», «нравилось ведение праздного, разгульного образа жизни», «безразличное отношение к жизни, семье, коллективу, в котором работал», «просто лень трудиться» и т. п. Таким образом, доминирующим мотивом уклонения от общественно полезного труда является нежелание работать, стремление жить на нетрудовые доходы за счет других лиц.

Изменения, внесенные в ст. 209 УК РСФСР Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 октября 1982 г. и постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1984 г., создают дополнительные возможности для усиления борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда, ведущими паразитический образ жизни, и с тунеядством в целом. В соответствии с ч. 1 ст. 209 УК РСФСР указанные лица наказываются лишением свободы на срок от 1 года до 2 лет или исправительными работами на тот же срок. Согласно ч. 2 те же действия, совершенные лицом, ранее судимым по ч. 1 ст. 209 УК, наказываются лишением свободы на срок от 1 года до 3 лет.

В законодательстве созданы ныне благоприятные условия и для индивидуализации уголовного наказания лиц, ведущих паразитический образ жизни. Согласно ст. 34¹ УК РСФСР к лицу, осужденному за ведение паразитического образа жизни к лишению свободы на срок от 1 года до 2 лет, можно применять вместо лишения свободы направление в воспитательно-трудовой профилакторий на тот же срок. Это наказание не может быть применено к лицам, которые ранее направлялись в воспитательно-трудовой профилакторий (в течение 3 лет со дня освобождения из него), т. е. до погашения судимости за ранее совершенное преступление. Если же осужденный за ведение паразитического образа жизни, отбывающий наказание в воспитательно-трудовом профилактории, уклоняется от работы, злостно или систематически нарушает дисциплину либо установленные правила поведения, то суд по представлению администрации профилактория вправе заменить неотбытый срок нахождения в воспитательно-трудовом профилактории наказанием в виде лишения свободы.

Таким образом, правильная оценка поведения обвиняемого с учетом требований законодательства об ответственности за ведение иного паразитического образа жизни предоставляет правоохранительным органам широкие возможности и для индивидуализации наказания, перевоспитания виновного, и для профилактики тунеядства в целом как социального явления, чуждого социалистическому обществу.

Структурные особенности лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда²⁰

Проблема личности преступника относится к наиболее сложным вопросам советской криминологии. В последние годы она все чаще обращает на себя внимание ученых-юристов, психологов и представителей других наук. Особенно полно личность преступников, совершающих конкретные преступления, изучается в криминологии и уголовно-правовой науке.

В данной статье анализируются социально-демографическая, нравственно-психологическая и уголовно-правовая характеристики лиц, совершающих деяния, подпадающие под признаки преступления, предусмотренного ст. 209 УК РСФСР, в соответствии с которой карается занятие бродяжничеством или попрошайничеством либо ведение иного паразитического образа жизни. Основное внимание уделено в статье характеристике лиц, ведущих иной паразитический образ жизни. Следует отметить, что в работах, вышедших в свет, личность этих преступников обстоятельно не рассмотрена.²¹

В публикациях юридического и общественно-политического характера такие лица, как и лица, занимающиеся бродяжничеством, попрошайничеством, спекуляцией, частнопредпринимательской деятельностью и коммерческим посредничеством, часто именуются тунеядцами, поскольку ведут паразитический образ жизни. Ведение иного паразитического образа жизни также является одной из разновидностей тунеядства. Согласно ст. 209 УК РСФСР оно состоит в длительном, более четырех месяцев подряд или более четырех месяцев в общей сложности в течение года проживании совершеннолетнего трудоспособного лица на нетрудовые доходы с уклонением от общественно полезного труда, продолжаемом после официального предупреждения о трудоустройстве в месячный срок и недопустимости такого образа жизни. Данное определение соответствует постановлению Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1984 г. «О порядке применения статьи 209 Уголовного кодекса РСФСР».²²

К социально-демографической характеристике тунеядца относятся сведения о поле, возрасте, социальном положении, образовании, роде занятий, профессии, квалификации, семейном положении, жилищных и материальных условиях и др., знание которых необходимо для предупреждения и профилактики паразитического существования виновных.

Выборочное изучение уголовных дел о ведении паразитического образа жизни и анкетный опрос лиц, осужденных за данное преступление,²³ показали устойчивое преобладание среди тунеядцев мужчин. Указанные различия в распространенности рассматриваемого вида преступлений среди мужчин и женщин – следствие разных социально-психологических причин, формирующих личность преступников разного пола и обуславливающих совершение общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 209 УК РСФСР.

Изучение возрастных особенностей лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда, является необходимым условием эффективной предупредительной работы и совершенствования деятельности правоохранительных органов с данной категорией правонарушителей. Без учета возраста трудно понять и дать оценку свойствам человека и его деятельности, уяс-

²⁰ Печатается по: Павлов В. Г. Структурные особенности лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда // Вестн. Ленингр. Ун-та, 1985, № 27, с. 109–112.

²¹ Худяков Е. А. Эффективность применения норм с административной преюдицией. М., 1981; Ляпунов Ю. И. Ответственность за тунеядство. М., 1982, с. 8–9, 24; Портнов И., Фокин В. Деятельность суда по пресечению паразитического образа жизни. – Советская юстиция, 1984, № 4, с. 21–23; Филиппов Н. Совершенствовать практику борьбы с тунеядством. – Советская юстиция, 1984, № 10, с. 9–10.

²² Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1984, № 51, ст. 1793.

²³ Изучение уголовных дел данной категории преступников было осуществлено на базе народного суда Кировского р-на Ленинграда за период 1982–1983 гг.

нить формирующиеся антиобщественные и криминальные отклонения, а также до конца разобраться в механизме преступного поведения. Возрастная характеристика преступников дает возможность раскрыть динамику криминогенной активности лиц в период уклонения их от общественно полезного труда.

Важной стороной социальной характеристики человека является уровень культуры, существенную часть которого составляет образование. Оно влияет на формирование и становление самой личности, ее круг интересов, потребностей, на поведение и отношение к уголовно-правовым запретам. Среди общей массы осужденных преобладают правонарушители с начальным и неполным средним образованием, а доля лиц со средним специальным и высшим образованием незначительна.

Характеристика образовательного уровня лиц, ведущих паразитический образ жизни, как выявило исследование, несколько другая: у большинства из них – среднее и неполное среднее образование. Сопоставление образовательного уровня и возрастных характеристик тунеядцев свидетельствует о том, что у старших возрастных групп удельный вес имеющих начальное образование значительно выше, чем даже у насильственных преступников, низкий уровень образования которых особенно подчеркивается в криминологической литературе. Наибольшая доля осужденных с начальным образованием наблюдается в возрастной группе старше 46 лет. Больше половины тунеядцев – это люди со средним и неполным средним образованием в возрасте от 18 до 25 лет. Лица, имеющие начальное образование, составляют среди них наименьшее число.

Что касается семейного положения тунеядцев, то у значительной части таких лиц семьи нет, почти каждый четвертый из них разведен и одна треть по решению суда обязана выплачивать алименты на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родственников. Наибольший процент разведенных, как показало наше изучение, характерен для возрастной группы 31–36 лет, которая, как нами замечено, является наиболее криминогенной. В некоторых случаях у лиц, не имеющих семьи, как и у не участвующих в общественно полезном труде, наблюдается повышенная восприимчивость к различным негативным явлениям, что, в свою очередь, способствует ведению антиобщественного образа жизни. На это обстоятельство обращается внимание и в ряде исследований.²⁴

В процессе исследования социально-демографических особенностей тунеядцев были изучены их жилищные и материальные условия. Результаты анкетирования показали, что половина из них до осуждения проживала в отдельных квартирах, меньшей части принадлежала жилая площадь в коммунальных квартирах и незначительное количество нарушителей было прописано в общежитиях. Таким образом, жилищные условия у них были нормальными.

Уровень материальной обеспеченности у данной категории лиц до совершения преступления, т. е. до того, когда они занимались общественно полезным трудом, был достаточно высоким. Так, например, больше половины обследованных получали заработную плату от 150 до 200 р., у значительно меньшего числа она составляла свыше 200 р., и лишь каждый десятый имел заработок до 100 р.

Таким образом, возраст, образование, материальные условия, казалось бы, предоставляли этим людям объективную возможность вести нормальный трудовой образ жизни. Однако противоречивость внутреннего склада лиц, ставших правонарушителями, низкий уровень культуры, утрата всякого желания и умения работать, деморализация личности обусловили занятие ими тунеядством.

²⁴ См., напр.: Богатырев Н., Бубенцов В. Эффективная мера по укреплению правопорядка. – Советская юстиция, 1981, № 18, с. 12; Антонян Ю. М. Антиобщественный образ жизни как криминологическая проблема. – Советское государство и право, 1981, № 3, с. 71; Шестаков Д. А. Корыстная направленность и ее формирование в криминогенной семье. – Вестн. Ленингр. ун-та, 1983, № 5, с. 84.

Определенный интерес при изучении личности тунеядца представляют нравственно-психологические признаки виновных, заключающиеся в потребностях, интересах, установках, ценностных ориентациях, в отношении к общественно полезному труду, нормам права и социалистической морали, определяющим поведение человека. Потребности тунеядцев ограничены и примитивны и, как правило, сводятся к систематическому потреблению алкогольных напитков, беспечной жизни, праздному и бесцельному времяпрепровождению и т. п. В конечном итоге это и приводит к безразличному отношению к общественно полезному труду и совершению административных правонарушений, в частности мелкого хулиганства, появлению в общественных местах в нетрезвом состоянии и к распитию в указанных местах спиртных напитков. Наибольшая доля задержаний за ведение антиобщественного образа жизни характерна для возрастных групп 26–31 и 31–36 лет. Данное обстоятельство объясняется тем, что к этому времени обычно завершается в основном процесс становления личности, что характерно и для лиц, осужденных в этом возрасте за другие преступления.

Представляют интерес данные о трудовой деятельности тунеядцев. Как показало исследование, подавляющее большинство осужденных являются лицами рабочих профессий, имеющих, как правило, среднюю квалификацию. И только сравнительно небольшая часть из них без профессии вообще. Из числа имевших квалификацию у многих общий трудовой стаж составил свыше 10 лет, у меньшей части – до 5 лет и у незначительной доли осужденных – от 1 года до 2 лет. Однако и для тех, кто имел трудовой стаж, характерна частая смена мест работы. Только за последние 2 года до привлечения к уголовной ответственности почти половина из них сменила место работы один раз, остальные меняли место работы от 2 до 4 раз, а некоторые – более 4 раз. Причинами этого являются, как уже было сказано выше, развивающийся процесс моральной деградации, все уменьшающийся интерес к труду и как следствие – частые нарушения трудовой дисциплины, связанные с употреблением спиртных напитков. Вместе с тем, как показало исследование, в подавляющем большинстве случаев меры профилактического характера к нарушителям трудовой дисциплины до осуждения за тунеядство не применялись, а в тех случаях, когда они и применялись, эффективность их была низкой. Это свидетельствует, по-видимому, о недостатках профилактической работы в трудовых коллективах.

Большое значение для нравственно-психологической характеристики личности тунеядцев, ведущих паразитический образ жизни, имеет выяснение источников их существования. На это обстоятельство обратил особое внимание судов Пленум Верховного Суда СССР, указав на необходимость тщательного изучения лиц, привлекаемых к ответственности по ст. 209 УК РСФСР, и выявления источников их существования.²⁵

Источниками существования паразитирующих лиц являются нетрудовые доходы, получаемые противоправным способом.²⁶ Как показало исследование, некоторая часть тунеядцев имела случайные заработки, состоящие в эпизодическом выполнении работ и услуг для граждан. У других источником существования служили средства, получаемые от сбора и сдачи стеклотары, вторсырья, продажи дикорастущих растений, грибов, плодов и т. п., которые также носили случайный характер и не являлись постоянным трудовым доходом. Характерно отметить, что после получения официального предостережения о необходимости трудоустроиться в месячный срок тунеядцы длительное время не хотели устраиваться на работу, скрывались от органов милиции, а некоторые не проживали по месту жительства. В процессе же отбыва-

²⁵ См.: О судебной практике по делам о нарушении паспортных правил, систематическом занятии бродяжничеством или попрошайничеством, а также ведении в течение длительного времени иного паразитического образа жизни: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28 июня 1973 г. (в редакции постановления Пленума от 3 сентября 1976 г., № 13). – Сб. постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1977 гг., ч. 2. М., 1981, с. 286.

²⁶ Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1984 г. – Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1984, № 51, ст. 1793; О практике применения судами законодательства об ответственности за занятие бродяжничеством или попрошайничеством либо ведение иного паразитического образа жизни: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 декабря 1984 г. – Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1985, № 3, с. 5.

ния наказания прослеживается изменение у осужденных взглядов на жизнь и, в частности, на общественно полезный труд. Так, например, подавляющее большинство осужденных за ведение паразитического образа жизни в ходе беседы с ними изъявляли желание после отбытия наказания трудоустроиться по своей специальности или обучиться новой, и только незначительное меньшинство не пожелало работать вообще.

Таким образом, представляется, что процесс моральной деградации тунеядца происходит постепенно и проявляется в различных формах аморального поведения. Деморализация личности начинается задолго до осуждения за тунеядство. В конечном итоге это и приводит к отказу от общественно полезного труда и к ведению паразитического образа жизни.

Для правильной оценки личности тунеядцев имеет значение их уголовно-правовая характеристика, в которую входят данные об антиобщественной направленности паразитического существования, содержание и мотивация преступления, прошлые судимости, рецидив, совершение одновременно нескольких преступлений, виды наказания, отношение осужденного к совершенному преступлению и к наказанию и др.

Исследование показало, что, например, некоторой части тунеядцев свойственна антиобщественная направленность, выражающаяся в неоднократном совершении преступлений. Многие из них уже однажды привлекались к уголовной ответственности за аналогичное преступление, а другие были судимы за него по два и три раза и, таким образом, стали злостными тунеядцами. Существенная особенность в характеристике личности тунеядца – наличие судимостей за хулиганство (ст. 206 УК РСФСР), хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем кражи (ст. 89 УК РСФСР), а также незначительное число преступлений против личности, повлекшее лишение свободы. Вместе с тем среди тунеядцев, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 209 УК РСФСР, были лица, одновременно осужденные за злостное уклонение от уплаты алиментов или от содержания детей (ст. 122 УК РСФСР), кражу (ст. 144 УК РСФСР), мелкое хищение государственного или общественного имущества (ст. 96 УК РСФСР), подделку документов (ст. 196 УК РСФСР), хулиганство (ст. 206 УК РСФСР), грабеж (ст. 145 УК РСФСР), хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем кражи, и другие преступления.

Не последнюю роль в характеристике личности преступника играет мотив преступления. Без осознанного побуждения не может возникнуть решение совершить то или иное преступное деяние. В отличие от ситуационного мотива, возникающего внезапно под влиянием быстро сложившихся жизненных обстоятельств, мотив, побуждающий к ведению паразитического образа жизни, как и личность преступника-паразита, формируется на протяжении длительного времени. В конечном итоге мотив объясняется объективными условиями жизни и воспитанием в широком смысле этого слова. Непосредственными же мотивами, характерными для субъективной стороны рассматриваемого преступления, являются: нежелание работать и отрицательное отношение к общественно полезному труду, стремление празднично жить на нетрудовые доходы за счет общества или различных лиц. Что касается преступных целей ведения паразитического образа жизни, то они в основном совпадают с мотивами преступления как при наличии антиобщественной направленности, проявляющейся в совершении двух или нескольких преступлений, так и при совершении данного преступного деяния впервые.

Криминологическое изучение лиц, ведущих паразитический образ жизни, имеет теоретическое и практическое значение. Оно служит разработке мер предупреждения тунеядства, способствует выявлению причин и условий ведения такого образа жизни, а также может быть использовано для индивидуализации наказания. Тщательное рассмотрение личностных характеристик и обстоятельств уклонения от общественно полезного труда, в свою очередь, позволяет совершенствовать исправительно-трудовое воздействие на указанных лиц в процессе отбывания наказания.

Уголовное законодательство в борьбе с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда (1961–1986 гг.)²⁷

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятые 25 декабря 1958 года, и последующие нормативные акты закрепили важнейшие принципы советского уголовного права и создали возможность для решения в дальнейшем вопросов борьбы с паразитизмом в различных его проявлениях, в частности с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда. Поскольку паразитическое существование не могло быть терпимым в социалистическом государстве, Уголовный кодекс РСФСР, принятый 27 октября 1960 года,²⁸ в ст. 209 предусмотрел уголовную ответственность за систематическое бродяжничество или попрошайничество, которое продолжалось после повторного предупреждения, сделанного административными органами. Наказание за эти виды паразитического существования определялось в виде лишения свободы на срок до 2 лет или исправительных работ на срок от шести месяцев до одного года. Уголовная ответственность предусматривалась и за различные формы использования несовершеннолетних в целях паразитического существования, предусмотренные ст. 210 УК РСФСР.

В течение 60-х годов активизируется законодательная деятельность в области борьбы с преступлениями против общественного порядка. В начале 70-х годов принимаются меры по усилению борьбы с лицами, ведущими антиобщественный паразитический образ жизни. Во всех союзных республиках принимаются законодательные акты, устанавливающие административную ответственность за тунеядство.

В РСФСР ответственность за ведение паразитического образа жизни была установлена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».²⁹ Предусмотренные этим указом меры административного воздействия применялись только к совершеннолетним гражданам, ведущим паразитический образ жизни. В отношении несовершеннолетних, которые не учились и не работали, применялись меры воспитательного характера.

Было предусмотрено применение предупреждения, которое делалось общественными организациями или органами милиции. Если же эти лица не вставали на путь честной трудовой жизни после сделанного им предупреждения, они подвергались выселению в специально отведенные местности на срок от 2 до 5 лет с обязательным привлечением к труду и конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем. Такое выселение производилось по постановлению районного (городского) народного суда, являлось окончательным и обжалованию не подлежало.

Однако в дальнейшем, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 сентября 1965 года, такое выселение стало применяться только к паразитирующим элементам, которые проживали в Москве, Московской области и Ленинграде, с сохранением ранее установленных сроков нахождения в местности, определенной судом или решением исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, с обязательным привлечением к труду по месту поселения. Таким образом, данные указы установили порядок привлечения к

---

²⁷ Печатается по: Павлов В. Г. Уголовное законодательство в борьбе с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда (1961–1986 гг.) // Пути повышения эффективности политической работы в органах внутренних дел в свете решений XXVII съезда КПСС. Сборник научных трудов. – Л.: ВПУ им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, 1987, с. 159–164.

²⁸ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, № 40, ст. 591.

²⁹ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1961, № 18, ст. 273.

общественно полезному труду лиц, ведущих паразитический образ жизни, и определили меры административного воздействия в их отношении.

Дальнейшее совершенствование уголовного законодательства об ответственности за ведение паразитического образа жизни связано с принятием 23 февраля 1970 года постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 136 «О мерах по усилению борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни», где был предусмотрен ряд конкретных мер, направленных на активизацию борьбы с тунеядством, а также было рекомендовано союзным республикам внести необходимые изменения в уголовное законодательство.³⁰

В соответствии с этими требованиями уголовная ответственность за уклонение от общественно полезного труда была установлена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 февраля 1970 года «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР».³¹ В течение 1970 года аналогичные указы были приняты и в других союзных республиках. УК РСФСР был дополнен новой нормой – ст. 209¹, сформулированной как «злостное уклонение от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования», которая предусматривала ответственность за злостное уклонение лица, ведущего антиобщественный образ жизни, от выполнения решения исполкома районного (городского) Совета депутатов трудящихся о трудоустройстве и прекращении паразитического существования. Злостное уклонение, согласно ст. 209¹ УК РСФСР, наказывалось лишением свободы на срок до 1 года или исправительными работами на тот же срок, а при наличии судимости за аналогичное преступление – лишением свободы на срок до двух лет.

В соответствии с законом злостным уклонением считались неявка лица на предприятие, куда оно было направлено по решению исполкома, или невыход на работу после поступления на данное предприятие, а также те случаи, когда направленный приступил к работе для видимости, но его последующее поведение свидетельствовало об упорном нежелании трудиться (систематические или длительные прогулы, самовольное оставление работы). Субъектом данного преступления могло быть лишь совершеннолетнее лицо. Не могли нести ответственность по ст. 209¹ УК РСФСР лица, не достигшие 18 лет, лица пенсионного возраста и инвалиды.

Однако, как показала практика, в ряде случаев применение уголовного законодательства, направленного на борьбу с тунеядством, оказалось недостаточно эффективным, а на местах оно применялось не всегда оперативно и четко. На необходимость внесения соответствующих корректив в законодательство указывала и сама жизнь, требовавшая усиления борьбы с этим антиобщественным явлением, чем, видимо, и следует объяснить появление в 1975 году нового законодательства о борьбе с лицами, ведущими антиобщественный паразитический образ жизни.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 августа 1975 года было признано целесообразным отменить ст. 209¹ УК РСФСР³² и внести изменения в ст. 209 УК РСФСР, которая стала предусматривать ответственность за ведение иного паразитического образа жизни.

Действия, предусмотренные ст. 209 УК РСФСР, стали представлять собой различные виды паразитического существования, а именно: систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, а также ведение в течение длительного времени иного паразитического образа жизни. Таким образом, в эту статью был внесен еще один состав преступления – «ведение в течение длительного времени иного паразитического образа жизни», который, по

---

³⁰ См.: СП СССР, 1970, № 4, ст. 26.

³¹ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1970, № 14, ст. 256.

³² Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1975, № 33, ст. 699

существо, воспроизводил состав преступления, предусматривавшегося ст. 209¹ УК РСФСР. Аналогичные изменения были внесены и в уголовные кодексы других союзных республик.

Согласно постановлению Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 августа 1975 года с изменениями, внесенными в него постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 мая 1977 года, под иным паразитическим образом жизни, предусмотренным ст. 209 УК РСФСР, понималось проживание совершеннолетнего трудоспособного лица в течение длительного времени (более четырех месяцев подряд или в общей сложности в течение года) на нетрудовые доходы с уклонением от общественно полезного труда, продолжаемое после официального предостережения о недопустимости такого образа жизни. Если лицо по истечении месячного срока после сделанного официального предостережения продолжало вести паразитический образ жизни, тогда органы милиции решали вопрос о привлечении его к уголовной ответственности по ст. 209 УК РСФСР.

Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 августа 1975 года содержало первоначально указание на необходимость применения к тунеядцам предупреждения и, если они не трудоустраивались в месячный срок, то тогда органы милиции делали им официальное предостережение и, таким образом, паразитический образ жизни мог безнаказанно продолжаться до 6 месяцев. Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 мая 1977 года этот усложненный порядок привлечения к уголовной ответственности был изменен. Согласно ст. 2 этого постановления лица, ведущие паразитический образ жизни (при отсутствии в их действиях признаков бродяжничества или попрошайничества), приглашались в органы внутренних дел для официального предостережения о недопустимости паразитического существования. Одновременно им разъяснялось, что в месячный срок они должны по своему усмотрению трудоустроиться, и что необходимая помощь в этом им может быть оказана исполкомом местного Совета. В тех случаях, когда лица по истечении четырехмесячного срока продолжали вести паразитический образ жизни, после сделанного им официального предостережения о трудоустройстве в месячный срок органы внутренних дел должны были решать вопрос о привлечении данных лиц к уголовной ответственности по ст. 209 УК РСФСР.

Это свидетельствует о том, что ведение иного паразитического образа жизни представляет собой самостоятельное преступление, состав которого существенно отличается от состава бродяжничества и попрошайничества, предусмотренных той же ст. 209 УК РСФСР.

Субъектами данного преступления признавались, как и прежде, только совершеннолетние трудоспособные лица.

Последующее совершенствование законодательства состояло в дальнейшем упрощении процедуры привлечения паразитирующих элементов к уголовной ответственности за уклонение от общественно полезного труда и в активизации борьбы с этим позорным антисоциальным явлением.

Уголовно-правовая борьба с паразитическим существованием лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда, в настоящее время ведется в соответствии со ст. 209 УК РСФСР в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 октября 1982 года,³³ которым были уточнены юридические основания ответственности за тунеядство, несколько изменена диспозиция и усилена санкция. Важное значение при этом имеет постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1984 года.³⁴

Как было отмечено, ст. 209 УК РСФСР устанавливает ответственность за три разные формы паразитического существования, образующие самостоятельные составы преступле-

---

³³ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР. – Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1982, № 41, ст. 1513.

³⁴ См.: О порядке применения ст. 209 Уголовного кодекса РСФСР. – Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1984, № 51, ст. 1793.

ния – занятие бродяжничеством, попрошайничеством, ведение иного паразитического образа жизни. Новая конструкция закона отражает принципиально иной подход к оценке общности объективных и субъективных признаков, характеризующих различные формы уголовно наказуемого тунеядства.

В настоящее время в уголовном законодательстве созданы дополнительные возможности для усиления борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда, и паразитизмом в целом. Вместе с тем эти вопросы на данном этапе развития общества требуют более детального уточнения и изучения.

Современные тенденции советской уголовно-правовой политики³⁵

За последние годы в жизни нашей страны произошли существенные политические и социально-экономические преобразования. В настоящее время в условиях перестройки и углубления социалистической демократии, проведения реформы политической системы и решения задач по формированию социалистического правового государства назрела необходимость проведения в жизнь более четкой уголовно-правовой политики. Уголовная политика, отмечает С. Г. Келина, выражает многие факторы политической, экономической, общественной жизни нашего общества, задача которой заключается в правовом обеспечении перестроенных процессов.³⁶ Если же брать круг задач советской уголовно-правовой политики, то они обширны и многогранны.

Одной из главных задач советской уголовно-правовой политики является борьба с преступностью, значительный рост которой наблюдается в последнее время. Н. А. Беляев отмечает, что важными направлениями уголовно-правовой политики являются выработка основных направлений уголовно-правовой борьбы с преступностью, определение принципов и общих положений, лежащих в основе такой политики, создание уголовного законодательства, дальнейшее его совершенствование и др.³⁷ В свою очередь, определяя также основные задачи уголовно-правовой политики, Н. И. Загородников достаточно четко выделяет три ее главных направления:

- 1) выработка линии в борьбе с преступностью;
- 2) конкретная деятельность государства, его законодательных и иных органов, а также организаций по практической реализации этой линии;
- 3) совершенствование организации борьбы с преступностью.³⁸

Исходя из уголовно-правовой политики и перехода к частному, представляется целесообразным выделить более конкретные направления борьбы с преступностью на современном этапе развития нашего общества. Такими направлениями являются: борьба с корыстными преступлениями, которые в последние годы становятся доминирующими, насильственными преступлениями, хищениями государственной и личной собственности граждан, преступностью среди молодежи и подростков, организованной и рецидивной преступностью, должностными и хозяйственными преступлениями, пьянством, наркоманией, извлечением нетрудовых доходов, различными паразитическими проявлениями, с преступлениями, посягающими на общественный порядок и порядок управления, жизнь, здоровье и достоинство личности, а также с преступными деяниями, посягающими на окружающую среду, и т. п. «На преступность, – как отмечает А. Катусев, – по-прежнему отрицательно влияет рецидив, пьянство, наркомания, тунеядство».³⁹

Остановимся, в частности, на одном из важных направлений уголовно-правовой политики в сфере борьбы с организованной преступностью, существование которой у нас не так давно вовсе отрицали.

---

³⁵ Печатается по: Павлов В. Г. Современные тенденции советской уголовно-правовой политики // Актуальные проблемы политической работы в органах внутренних дел в свете решений XIX Всесоюзной партийной конференции. Сборник научных трудов – Л.: ВПУ им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, 1989. – С. 39–46.

³⁶ Келина С. Г. Смертная казнь в системе советской уголовной политики // Смертная казнь: за и против. – М., 1989. – С. 328.

³⁷ Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. – Л., 1986. – С. 28; Панченко П. Н. Советская уголовная политика // Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью: ее становление и предмет. – Томск, 1988. – С. 83–84 и др.

³⁸ Загородников Н. И. Советская уголовная политика. – М., 1979. – С. 19.

³⁹ Катусев А. Преступность: тревожные тенденции // Социалистическая законность. – 1989. – № 5. – С. 12.

«В нашей стране, – отмечает И. И. Карпец, – сейчас прослеживается всплеск профессионализации в так называемой общеуголовной преступности и даже сращивание должностных лиц с общеуголовными преступными элементами. А это не что иное, как организованная и профессиональная преступность, которую в теории совсем недавно и целиком отрицали».⁴⁰

Серьезная озабоченность по поводу чрезвычайной ситуации, складывающейся с преступностью в нашем обществе, выражена в постановлении Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. «О решительном усилении борьбы с преступностью», в котором особо отмечается, что «в стране резко возросла преступность, в том числе организованная...».⁴¹ И здесь следует сказать, что главное место среди субъектов предупредительной деятельности в борьбе с организованной преступностью отводится органам внутренних дел. При этом необходимость концентрации усилий органов внутренних дел по разоблачению устойчивых преступных групп является для МВД СССР очевидной и первостепенной задачей.

В связи с этим представляется, что для успешной борьбы с организованной преступностью в настоящее время следует в уголовном законе иметь четкое определение этого явления и соответствующие конкретные нормы, регламентирующие ответственность за совершение преступления в организованной группе. Первые попытки в этом направлении уже сделаны в ст. 17¹ проекта Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Однако было бы целесообразно в период разработки норм Особенной части уголовного законодательства, как справедливо замечает А. Н. Волобуев, предусмотреть специальный состав преступления, определяющий ответственность субъектов за связь с организованным преступным сообществом.⁴² К сожалению, ныне действующий уголовный закон пока не предусматривает возможности квалификации преступного деяния по статье закона, что является пробелом в праве. Данное положение могло бы найти свое конкретное закрепление в новом уголовном законе.

Далее следует отметить, что четкое определение принципов уголовно-правовой политики, закрепленных в уголовном законодательстве, в значительной степени будет способствовать формированию целостной системы борьбы с преступностью, имеющей своей целью ее сокращение вообще, а также ликвидацию причин и условий, ее порождающих.

Основные принципы, лежащие в основе современной уголовно-правовой политики, достаточно полно определены в новом уголовном законодательстве. Это принципы социалистической законности, демократизма, равенства граждан перед законом, справедливости, гуманизма, неотвратимости ответственности.

Особое значение, по нашему мнению, приобретает принцип гуманизма, который занимает заметное место среди других принципов в уголовно-правовой политике Советского государства. Данный принцип, выражающий нравственные позиции общества, связан со значительным ограничением исключительной меры наказания – смертной казни. Советское государство всегда рассматривало смертную казнь в качестве вынужденной и временной, вплоть до ее полной отмены, считая ее исключительной мерой уголовного наказания. Трижды смертная казнь отменялась в нашем государстве и каждый раз вновь вводилась. Последний раз исключительная мера наказания была отменена в 1947 г. и вновь стала применяться с начала 1950 г. Во всех санкциях, где указывается смертная казнь, она предусматривается в качестве альтернативного наказания наряду с лишением свободы за особо тяжкие и другие опасные преступления. Новое уголовное законодательство сформулировало исчерпывающий перечень преступных деяний, за которые предусмотрена высшая мера наказания. Однако в

⁴⁰ Карпец И. И. Социалистическая криминология. Состояние и задачи // Социалистическая законность. – 1987. – № 8. – С. 19.

⁴¹ Известия. – 1989. – 6 августа.

⁴² Волобуев А. Н. Проблемы совершенствования уголовного законодательства в борьбе с организованной преступностью // Пути совершенствования мер по предупреждению преступности. – М., 1988. – С. 99.

связи с ростом преступности в стране и увеличением количества особо тяжких преступлений вопрос о полной отмене смертной казни, на наш взгляд, следует считать преждевременным. Наиболее полное свое выражение принцип гуманизма нашел и в системе наказаний. В новой системе превалируют уголовные наказания, как правило, не связанные с лишением свободы: порицание, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, ограничение свободы, арест и т. д. Лишение свободы как основной вид уголовного наказания, применяемый ранее судами в подавляющем большинстве случаев, переместилось в системе наказаний с первого на седьмое место. В связи с этим уместно отметить, что еще в первые годы существования Советского государства В. И. Ленин, определяя направление советской уголовной политики, считал возможным заменять тюрьмы воспитательными учреждениями, применять чаще практику товарищеских судов.⁴³

Таким образом, идеи В. И. Ленина о гуманизации наказания нашли свою реализацию в новом уголовном законодательстве. Ведущей тенденцией же советского уголовного законодательства на современном этапе развития нашего государства, как справедливо замечают С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев, является последовательная линия замены уголовной репрессии различными, более мягкими мерами как административного, так и общественного воздействия.⁴⁴

Принцип гуманизма при назначении наказания проявляется еще и в том, что суд, избирая конкретную меру наказания, не ставит цель причинить виновному физические страдания или унижить его человеческое достоинство. Здесь следует говорить и о значительном совершенствовании институтов условного осуждения, отсрочки исполнения наказания, освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной и др. Прямым выражением принципа гуманизма также являются институты амнистии и помилования.

Вместе с тем происходящий в стране процесс гуманизации советской уголовно-правовой политики, оказывающей решающее воздействие на содержание и развитие уголовного законодательства, требует от граждан и всех должностных лиц строжайшего соблюдения социалистической законности. Это требование полностью относится к работникам правоохранительных органов, которые не должны путать гуманность с либерализмом и попустительством.

Касаясь следующего направления советской уголовно-правовой политики, необходимо сказать о создании в настоящее время достаточно разработанного и стабильного уголовного законодательства, которое бы отвечало политическим реалиям жизни нашей страны. Вместе с тем «беспрерывные изменения законодательства, – как отмечает М. И. Ковалев, – даже под предлогом его совершенствования, вносят дестабилизацию и причиняют больше вреда, чем пользы».⁴⁵ Все это требует поиска новых подходов к решению традиционных уголовно-правовых проблем, отказа от многих годами складывавшихся взглядов и установок. С этих позиций следует пересмотреть многие нормы уголовного закона и предусмотреть новые, которые диктует сама жизнь с учетом человеческого фактора не только на правотворческом, но и на правоприменительном уровнях. При подготовке нового уголовного законодательства, разработка которого неоправданно затянулась, необходимо избегать и стремиться к устранению двусмысленных толкований и туманных формулировок закона, что создает на практике дополнительные трудности в его применении.

По верному замечанию В. М. Баранова, если какая-либо норма права содержит многочисленные оговорки, замечания и исключения, то это свидетельствует о недостаточно высокой степени обобщенности выбранного правотворческим органом средства государственной регуляции.⁴⁶

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 38. – С. 431.

⁴⁴ Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. – М... 1988. – С. 152.

⁴⁵ Ковалев М. И. Уголовное правотворчество и законодательная техника // Криминология и уголовная политика. – М., 1985. – С. 113.

⁴⁶ Баранов В. М. Истинность норм советского права. – Саратов, 1989. – С. 349.

Решения XXVII съезда КПСС, перестройка, процесс демократизации всех сторон жизни советского общества, как замечает Н. И. Загородников, настоятельно требуют преодоления всех сложившихся стереотипов прошлого. В первую очередь это относится к той части уголовного законодательства, где нового осмысления требуют нормы об охране общественных отношений собственности, взаимодействия человека с природой, отношения в области мира и международного сотрудничества и другие, которые нуждаются в уголовно-правовой охране.⁴⁷

Законодатель, издавая уголовные законы, всегда руководствуется и исходит из уголовной политики государства. Однако в процессе применения уголовного законодательства довольно часто обнаруживается, что закон, предусматривающий ответственность, по существу бездействует, т. е. как бы появляются «мертвые нормы» права. К числу таких норм следует отнести введенную в 1985 г. в УК РСФСР ст. 139¹, которая устанавливает ответственность за преследование граждан за критику. Как показывает судебно-следственная практика, в судах страны практически отсутствуют уголовные дела за данный вид преступления. Почти бездействующими остаются нормы УК РСФСР, устанавливающие ответственность за: выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции (ст. 152), приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов (ст. 152¹), частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество (ст. 153), скупку для скармливания или скармливание скоту и птице хлеба и других хлебопродуктов (ст. 154¹), нарушение правил торговли (ст. 156¹), нарушение правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 161) и др.

Думается, что в современных условиях, руководствуясь соображениями уголовно-правовой политики, необходимо при совершенствовании системы Особенной части уголовного законодательства эти недостатки учесть, так как разработка четко сформулированных действующих составов преступлений и основанная на них правильная квалификация преступного деяния являются залогом успешного проведения в жизнь этой политики в области борьбы с преступностью.

Вместе с тем в сегодняшней сложной обстановке, когда в стране наблюдается высокий темп роста преступности, возникает острая необходимость создания такого уголовного законодательства, которое полнее отвечало бы современным условиям развития советского общества, более эффективно защищало права и законные интересы граждан, способствовало укреплению законности и правопорядка. Эту задачу можно успешно решить только при комплексном подходе осуществления уголовно-правовой политики. В данном случае речь идет о том, чтобы разработка уголовного законодательства не происходила в отрыве от уголовно-процессуального и исправительно-трудового законодательства, т. е. без учета смежных отраслей права. Следует во избежание ошибок единым блоком разрабатывать и принимать одновременно Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, Основы процессуального и Основы исправительно-трудового законодательства. В настоящее время такой полной согласованности нет. Подготовка уголовного законодательства несколько опередила подготовку уголовно-процессуального и исправительно-трудового законодательства. В связи с этим следует говорить о кардинальной перестройке правоохранительных органов и, в частности, всей судебной системы, основополагающим документом для которой стал общесоюзный Закон «О статусе судей в СССР», принятый Верховным Советом СССР 4 августа 1989 г., а также о перестройке деятельности исправительно-трудовых учреждений, укреплении кадрового состава органов внутренних дел, повышении профессионального мастерства работников служб и подразделений.

---

⁴⁷ Загородников Н. И. Объект преступления и проблема совершенствования уголовного законодательства // Актуальные проблемы уголовного права. – М., 1988. – С. 25–27.

Таким образом, успешное осуществление уголовно-правовой политики на современном этапе развития нашего общества невозможно без комплексного решения рассмотренных нами проблем.

уголовная политика и проблемы правовой защищенности личности⁴⁸

Существенные изменения, происходящие во всех сферах жизни нашего общества, заставляют по-новому взглянуть на происходящие процессы, связанные с охраной общественного порядка, в частности на проблему правовой защищенности военнослужащих внутренних войск МВД СССР. Об этом свидетельствуют недавно принятые Закон СССР от 26 марта 1990 г. «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка» и Указ Президента СССР «О некоторых мерах по усилению социальной и правовой защиты военнослужащих». ⁴⁹

Таким образом, комплекс организационных и воспитательных мероприятий, направленных на усиление правовой защиты военнослужащих, в первую очередь должен касаться уголовного закона, который требует в настоящее время дальнейшей разработки и совершенствования.

Неэффективность уголовного закона, а зачастую и противоречивая судебно-следственная практика не лучшим образом влияют на правовую защищенность субъектов правоохранительной деятельности, на которых в законодательном порядке возложены обязанности охраны общественного порядка.

В связи с этим представляется целесообразным обратить внимание на такой важный институт уголовного законодательства, каким является институт необходимой обороны, требующий более глубокого исследования в части, касающейся применения оружия сотрудниками органов внутренних дел, связанного с охраной как общественных интересов, так и интересов потерпевших от преступных посягательств.

Как показывает практика и оперативная обстановка в различных регионах нашей страны, выполнение военнослужащими внутренних войск служебных задач по охране общественного порядка нередко связано с применением оружия. Но несмотря на то, что в нормативных актах и Законе СССР от 29 марта 1990 г. в основном сформулированы положения, регламентирующие применение оружия личным составом внутренних войск, тем не менее его использование в силу объективных и субъективных причин ограничено. Речь идет о случаях применения оружия только при обстоятельствах, исключающих общественную опасность и противоправность деяния, – необходимой обороне, крайней необходимости и задержании преступника, а также при массовых беспорядках и чрезвычайных положениях.

В связи с этим примечателен п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств», в котором отмечается, что судам надлежит строго соблюдать требования закона, направленные на защиту представителей власти и иных лиц в связи с исполнением ими служебных обязанностей по пресечению общественно опасных посягательств и задержанию правонарушителей. При этом указанные лица не подлежат уголовной ответственности за вред, причиненный посягавшему или задерживаемому, если они действовали в строгом соответствии с требованиями уставов, положений и иных нормативных актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия и силы. ⁵⁰

---

⁴⁸ Печатается по: Павлов В. Г. Уголовная политика и проблемы правовой защищенности личности // Методологические основы политико-воспитательной работы в органах внутренних дел. – Сборник научных трудов. – Л.: ВПУ им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, 1990. С. 47–51.

⁴⁹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 14. – Ст. 233; Известия. – 1990. – 7 сентября.

⁵⁰ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда СССР 1924–1986 гг. – М., 1987. – С. 469–470.

В действительности военнослужащие внутренних войск по сравнению с работниками милиции в период охраны общественного порядка и даже в экстремальных условиях, как правило, оружие применяют довольно редко. Объясняется это не только слабыми знаниями правомерных условий, характеризующих общественно опасное нападение и защиту от преступных посягательств, но и боязнью ответственности за последствия его применения. И здесь, наверное, надо сказать о соотношении необходимой обороны и исполнения военнослужащими внутренних войск своего служебного долга.

В уголовно-правовой литературе доминирует точка зрения, что право на необходимую оборону превращается для работников милиции, военнослужащих и некоторых других лиц в юридическую обязанность. Следовательно, положения о необходимой обороне распространяются в отношении военнослужащих внутренних войск так же, как и на других граждан, хотя данный тезис и не является бесспорным. Так, согласно противоположной точке зрения, необходимая оборона, с одной стороны, это субъективное право граждан (общая необходимая оборона), а с другой стороны, специальная, осуществляемая военнослужащими и другими работниками правоохранительных органов при исполнении ими своих правовых обязанностей, вытекающих из служебного положения. Неисполнение этой правовой обязанности влечет дисциплинарную, а в некоторых случаях и уголовную ответственность, например за нарушение уставных правил караульной службы и за нарушение уставных правил внутренней службы (ст. 255, 258 УК РСФСР).

В свою очередь, существование множества отдельных нормативных актов, находящихся нередко в противоречии с основными законами, есть порочная практика в нашем и так не совершенном законодательстве. Нечеткость законодательных формулировок, в частности необходимой обороны, крайней необходимости и т. п., создают соответствующие условия для различного толкования закона, а зачастую и его нарушения. В связи с этим необходимо в новом законодательстве избежать двусмысленных толкований его статей, а в дальнейшем – частых его изменений и дополнений, которые характерны в настоящее время к вновь принимаемым законам в нашей стране.

Далее следует отметить, что исполнение служебного долга, связанного с охраной общественного порядка, – это правомерная деятельность от имени государства, обязательная защита охраняемых законом интересов от преступных посягательств.

Вместе с тем действие законодательных и нормативных актов, предусматривающих правовую защищенность личного состава внутренних войск в период привлечения их к охране общественного порядка, требуют в настоящее время своего дальнейшего совершенствования и более полного разрешения. Примечателен в этом отношении Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 июля 1988 г., в соответствии с которым в действующее уголовное законодательство в ст. 191¹ и ст. 192¹ УК РСФСР внесены существенные дополнения. Речь в данном случае идет о правовой защищенности военнослужащих внутренних войск, выполняющих возложенные на них обязанности наряду с работниками милиции и дружинниками, по охране общественного порядка, связанные в первом случае с сопротивлением, а во втором – с оскорблением представителей власти и общественности.⁵¹ При этом следует заметить, что данное нововведение в уголовном законодательстве, с точки зрения правовой защищенности личного состава внутренних войск, стало возможным благодаря Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 г. «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка»,⁵² который, сыграв положительную роль, утратил свою силу 26 марта 1990 года в связи с введением в действие Закона СССР

⁵¹ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1989. – № 4.

⁵² См.: Там же. – 1988. – № 31.

«Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка».

Таким образом, действующим законодательством РСФСР закреплена правовая защита военнослужащих внутренних войск, выполняющих обязанности по охране общественного порядка только в двух уголовно-правовых нормах от преступных посягательств – это защита здоровья, чести и достоинства военнослужащих, но не защита жизни потерпевших.

Однако в последнее время в связи с усилившейся социальной напряженностью в обществе и обострившимися конфликтами на межнациональной почве военнослужащим внутренних войск приходится довольно часто принимать участие в охране общественного порядка и ликвидации массовых беспорядков в различных регионах нашей страны. Выполнение этих задач по охране общественного порядка самым тесным образом связано с риском для жизни.

Вместе с тем в новом Законе СССР от 26 марта 1990 г., согласно ст. 3 и 5, на военнослужащих внутренних войск дополнительно возложен обширный круг прав и обязанностей при охране общественного порядка, выполнение которых, как уже было отмечено, зачастую связано с риском для жизни. При этом следует обратить внимание, что в УК РСФСР (ст. 102, п. «в») предусмотрена уголовная ответственность за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, одним из которых является убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга. Данной нормой определяется достаточно широкий круг потерпевших, в число которых входят и военнослужащие внутренних войск МВД СССР. Специальная же норма, предусматривающая уголовную ответственность за посягательство на жизнь представителя власти и общественности, имеет место только в отношении работника милиции и народного дружинника, в связи с их служебной или общественной деятельностью по охране общественного порядка (ст. 191² УК РСФСР).

Изложенное позволяет сделать вывод о целесообразности через призму уголовного закона усилить правовую защиту военнослужащих внутренних войск МВД СССР, а точнее – предусмотреть в УК РСФСР специальную норму (статью), регламентирующую ответственность за посягательство на жизнь данных лиц, выполняющих обязанности по охране общественного порядка.

Однако возможен и другой путь решения вопроса, который устраняет не только усложнение уголовного кодекса вновь принятыми нормами, но и двусмысленного толкования понятия «посягательство на жизнь».⁵³ Так, представляется, что за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (ст. 102 УК РСФСР) можно предусмотреть дополнительным пунктом ответственность за убийство работника милиции, военнослужащего, народного дружинника в связи с их служебной или общественной деятельностью по охране общественного порядка.

---

⁵³ В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 22 сентября 1989 года в пункте «г» под «посягательством на жизнь» понимается убийство или покушение на убийство работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1989. – № 6. – С. 11.

Субъект преступления в зарубежном уголовном праве⁵⁴

Проблема субъекта преступления относится к числу наиболее сложных в уголовном праве. Она привлекает внимание ученых-юристов, психологов, психиатров, педагогов и представителей других наук многих стран. Необходимость полного и всестороннего исследования данного вопроса диктуется тем, что как в теории, так и в судебной практике имеются спорные вопросы, связанные с понятием субъекта преступления. В свою очередь, изучение субъекта преступления в зарубежном уголовном законодательстве (в частности, институтов ответственности, наказания, соучастия в преступлениях со специальным субъектом, вменяемости и др.) дает возможность глубже понять совокупность всех элементов (признаков) целостного учения о составе преступления.

Объяснение понятия и сущности субъекта преступления, а также изучение уголовного законодательства зарубежных государств любой ориентации в историческом аспекте имеют важное методологическое значение для науки уголовного права и совершенствования судебной практики. В зарубежном уголовном праве вопросы субъекта преступления изучены мало и толкуются в различных странах по-разному, а порой и противоречиво, что в значительной степени затрудняет эффективное применение уголовного законодательства в борьбе с преступностью. Литература по данному вопросу ограничена, малодоступна и носит разрозненный характер. Все это, несомненно, требует дальнейших исследований проблем субъекта преступления.

Уголовное законодательство большинства зарубежных государств исходит из того, что субъектом преступления может быть только физическое лицо – человек. Однако в ряде стран на протяжении веков этот вопрос решался и решается неоднозначно, так как субъектом преступления наряду с физическими лицами признавались юридические лица, а также предметы, животные, насекомые. В древних Афинах, например, суд разбирал дела о смертных случаях, причиняемых предметами, после чего особые жрецы выбрасывали эти предметы за пределы полиса. В Англии почти до середины XIX в. существовало положение, которым предусматривалось, что предмет, причинивший смерть, конфисковывался в пользу короля.⁵⁵

В средние века феодальное уголовное право субъектом преступления часто признавало животных. В светских судах XIV и XV столетий, писал известный русский юрист Н. С. Таганцев, нередко встречались случаи, когда преследовали животных, причинивших смерть человеку, в особенности быков – за ярость и свиней, загрызших детей. Этих животных казнили, как правило, через повешение. В истории канонического уголовного права встречаются процессы против насекомых и животных, которые истребляли посевы, плодовые деревья, виноградники и т. п. Последние подобные процессы состоялись во Франции. В 1710 г. судили крыс и мышей за нанесение значительного ущерба хлебным полям, а в 1740 г. – корову.⁵⁶ Уголовная ответственность животных, насекомых и вещей являлась не столько ответственностью за виновное деяние, сколько наказанием за опасные и вредные действия, независимо от кого или чего они исходили. Испуганное население в связи с причиненным вредом или угрозой его наступления либо обращалось к духовенству, либо устраивало самосуды против «правонарушителей».

Таким образом, признание субъектами преступлений предметов, животных, насекомых в рабовладельческом и феодальном уголовном праве объясняется господством мистических

⁵⁴ Печатается по: Павлов В. Г. Субъект преступления в зарубежном уголовном праве // Правоведение, 1996, № 3(214). С. 168–174.

⁵⁵ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. Л., 1968. С. 395.

⁵⁶ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Общая часть. Т. 1. М., 1994. С. 142; Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 252.

взглядов на преступление как на деяние, оскорбляющее бога и охраняемый им мир на основании принципа: ответственность наступает в любом случае и для всякого, причинившего вред.

Уголовная ответственность юридических лиц также была известна феодальному праву, и в частности уголовному праву не только англо-саксонских стран (Англии, США и др.), но и государствам европейского континента. Так, например, во французском ордонансе 1670 г. специальная статья предусматривала ответственность и наказание за преступления, совершенные общинами и корпорациями, т. е. юридическими лицами.⁵⁷

Уголовная ответственность юридических лиц в зарубежном уголовном праве существует и в настоящее время.

Так, по английскому уголовному законодательству допускается применение к юридическим лицам штрафов как меры уголовного наказания, но к ним не могут применяться уголовные наказания, которые назначаются физическому лицу за совершенное преступление. Заметим, однако, что уголовная ответственность юридических лиц не исключает ответственности конкретных граждан за те же действия.

Уголовное право в США формировалось и долгое время развивалось на основе системы английского общего права. В современном уголовном праве США вопросы привлечения к уголовной ответственности юридических лиц регламентированы как в федеральном уголовном законодательстве, так и в уголовных законах штатов. Так, в ст. 2.07. Примерного уголовного кодекса США (1962 г.) предусматривается ответственность корпораций, некорпорированных объединений и лиц, действующих или обязанных действовать в их интересах. В ч. 1 данной статьи говорится, что корпорация может быть осуждена за совершение посягательства, которое является нарушением и состоит в неисполнении возложенной законом на корпорацию специальной обязанности совершать положительные действия.⁵⁸ Уголовное законодательство некоторых штатов, и в частности УК штата Огайо, предусматривает в § 2901.23. уголовную ответственность организации, под которой понимается корпорация, созданная с целью получения прибыли либо без таковой, товарищество с ограниченной ответственностью, совместное рискованное предприятие, неинкорпорированная ассоциация и т. д..⁵⁹ На уголовную ответственность корпораций указывает также ст. 20.20 УК штата Нью-Йорк.⁶⁰

Основным наказанием, общим для юридических лиц как на уровне штатов, так и на федеральном уровне, является, как правило, штраф. Так, § 2929.31. УК штата Огайо посвящен определению размеров штрафов, налагаемых на организации за совершение felonies (преступлений) различных классов, а также misdemeanors (уголовных преступников).⁶¹ Однако уголовное наказание, налагаемое на юридическое лицо в виде штрафа за различные преступления, не исключает возможности применения к нему гражданских санкций. Следовательно, по уголовному законодательству США наказуемыми считаются не только физические, но и юридические лица, ответственность которых зачастую используется в интересах государства.

В уголовном законодательстве Франции – родины так называемой континентальной системы права, которая сохранила многие черты средневекового французского права, так же как и в уголовном законодательстве Англии и США, юридическое лицо признается субъектом преступления. Уголовная ответственность юридических лиц не исключает ответственности конкретных граждан за виновные действия, которые связаны с нарушением действующего уголовного законодательства.

---

⁵⁷ Там же. С. 250–251.

⁵⁸ Примерный уголовный кодекс (США). М., 1969. С. 56–57.

⁵⁹ Уголовное право буржуазных стран. Общая часть: Сборник законодательных актов. М., 1990. С. 159–160.

⁶⁰ Там же. С. 94–95.

⁶¹ Там же. С. 174.

Проект УК Франции 1989 г. допускал уголовную ответственность юридических лиц, и данное положение нашло свое законодательное закрепление в новом УК Франции 1992 г., который пришел на смену УК 1810 г., принятому в период правления Наполеона Бонапарта. Работа над новым УК Франции велась с 1974 г. В ст. 121–2 данного Кодекса сказано, что юридические лица, за исключением государства, несут уголовную ответственность. При этом уголовная ответственность юридических лиц не исключает уголовной ответственности физических лиц, которые совершили те же действия.⁶² Система уголовных наказаний, применяемых к юридическим лицам, достаточно разработана. Так, например, ст. 131–39 УК Франции содержит перечень видов наказаний, которые применяются к юридическим лицам: ликвидация юридического лица; запрещение – окончательное или на срок профессиональной или общественной деятельности; конфискация предмета, используемого для совершения преступления; афиширование принятого судебного постановления; закрытие – окончательное или на срок соответствующих предприятий и заведений, и др.⁶³ Чаще всего за совершенные преступления к юридическим лицам применяется уголовное наказание в виде штрафа, который предусмотрен в ст. 131–37 данного УК.⁶⁴ При этом ст. 131–38 предусматривает максимальный размер штрафа для юридических лиц, он равен пятикратному размеру штрафа, предусмотренного законом для физических лиц.⁶⁵

Действующее уголовное законодательство ФРГ базируется на Германском уголовном кодексе 1871 г., в редакции от 2 января 1975 г., и также предусматривает уголовную ответственность юридических лиц. Правда, эти вопросы, по сравнению с уголовными кодексами США и Франции, менее проработаны; видимо, сказывается отсутствие полной кодификации уголовного законодательства ФРГ и противоречивость многочисленных уголовных законов, которые действуют параллельно с УК. Например, § 75 УК ФРГ предусматривает особые предписания для органов и их представителей, совершивших действия, которые влекут применение норм, установленных УК.⁶⁶

По уголовному законодательству Италии юридические лица также могут преследоваться за преступления, совершенные их представителями или другими лицами, с применением уголовного наказания в виде штрафа к предприятиям, учреждениям и др. Так, например, в ст. 197 УК Италии 1930 г. говорится, что предприятия и учреждения, имеющие права юридического лица, если будет осужден за проступок их представитель, администратор или лицо, которое находится в состоянии зависимости, а сам проступок явится нарушением обязанностей, связанных со служебным положением виновного, обязаны уплатить штраф, когда физические лица неплатежеспособны.⁶⁷

Японское уголовное законодательство, а точнее, УК Японии 1907 г. с изменениями, которые вносились в 1921 г., 1941, 1947, 1953, 1954, 1958, 1960, 1964, 1968 и 1980 гг., не предусматривает ответственности юридических лиц.

По швейцарскому уголовному праву субъектом преступления может быть только физическое лицо. Однако некоторые специальные законы как фискального, так и хозяйственного права устанавливают уголовную ответственность юридических лиц за преступные деяния их органов.⁶⁸

В уголовном законодательстве Социалистической Республики Румынии имелось специальное постановление, в котором были предусмотрены уголовно-правовые санкции в отноше-

⁶² Новый Уголовный кодекс Франции. М., 1993. С. 9.

⁶³ Там же. С. 25.

⁶⁴ Там же. С. 24.

⁶⁵ Там же. С. 25.

⁶⁶ Strafgesetzbuch. München, 1993. S. 49.

⁶⁷ Итальянский Уголовный кодекс 1930 г. М., 1941. С. 47.

⁶⁸ Современное зарубежное уголовное право. Т. 2. М., 1958. С. 317–318.

нии юридического лица с последующей ликвидацией его имущества. Что же касается уголовного законодательства других бывших социалистических стран – Польши, Болгарии, Венгрии, Югославии, МНР и др., – то в соответствии с принципом личной ответственности субъектом преступления в данных государствах признавалось только физическое лицо, совершившее общественно опасное деяние, в связи с чем исключалась уголовная ответственность юридических лиц (учреждений, предприятий, организаций и т. п.). Аналогично решался вопрос о субъекте преступления в республиках СССР, а ныне – в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья (СНГ).

Хотя проблема признания субъектом преступления юридических лиц в уголовном законодательстве многих государств остается открытой, подавляющее большинство зарубежных юристов склоняются к тому, что уголовную ответственность за преступные деяния может нести только вменяемое физическое лицо – человек.

Субъектом преступления может быть признано физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления установленного законом возраста. Это – одно из необходимых условий привлечения лица к уголовной ответственности. Возраст, с которого наступает такая ответственность, в различных странах определяется по-разному. В основе определения возраста, как правило, лежит уровень сознания несовершеннолетнего, т. е. способность данного лица практически осознавать происходящее в объективном мире и в соответствии с этим осмысленно и целенаправленно совершать те или иные действия, а также поступки.

В уголовном законодательстве США, например, общий возраст, с которого лицо может отвечать за совершенные преступления по федеральному уголовному законодательству и по большинству УК штатов, предусмотрен с 16 лет. Так, в ст. 4.10 Примерного УК США говорится, что лицо не может быть судимо, а также осуждено за совершенные посягательства во вменяемом состоянии, если оно не достигло возраста 16 лет.⁶⁹ Однако в уголовном законодательстве некоторых штатов, и в частности в ст. 30.00. УК Нью-Йорка, минимальный возраст уголовной ответственности за тяжкое убийство установлен с 13 лет, хотя общая ответственность предусмотрена с 16 лет.⁷⁰

Субъектом преступления по действующему УК Франции признается лицо, достигшее 13-летнего возраста. Но уголовное наказание, применяемое к несовершеннолетним преступникам, является менее суровым по отношению к взрослым лицам, совершившим преступление.

По уголовному законодательству ФРГ субъектом преступления признается физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет. Данное положение регулируется Законом о судах по делам о несовершеннолетних, на что указывают § 10 и § 19 УК ФРГ (в редакции от 2 января 1975 г.). В систему же общих судов включены как самостоятельные подразделения суды по делам несовершеннолетних, которые рассматривают дела о преступлениях данными лицами в возрасте от 14 до 18 лет.

В Японии уголовная ответственность наступает так же, как и в ФРГ, с 14 лет. В ст. 41 УК Японии говорится, что действия, совершенные лицом, не достигшим возраста 14 лет, не являются уголовно наказуемыми.⁷¹

По уголовному законодательству Англии субъектом преступления по общему (прецедентному) праву уголовная ответственность может наступать с 10-летнего возраста, а в ранний исторический период она имела место с 8 лет.⁷² Ввиду отсутствия до настоящего времени в Англии уголовного кодекса и полной систематизации уголовного законодательства, возраст, с которого лицо может считаться субъектом преступления, определяют многочисленные уго-

⁶⁹ Примерный уголовный кодекс (США). С. 90.

⁷⁰ Уголовное право буржуазных стран. С. 96.

⁷¹ Там же. С. 303.

⁷² Гришаев П. И. Уголовно-правовые теории и уголовное законодательство буржуазных государств. М., 1959. С. 110.

ловные законы. Так, к полной уголовной ответственности в Англии могут быть привлечены лица, достигшие возраста 17 лет.⁷³

Ирландия – одно из немногих западноевропейских государств, где уголовная ответственность может наступать с 7-летнего возраста. При этом уголовное законодательство Ирландии по-прежнему остается некодифицированным и там действуют как старые английские уголовные законы, так и новые ирландские.⁷⁴

Уголовная ответственность в возрасте 7 лет допускается также в Египте, Ливане, Ираке и ряде других государств.⁷⁵ Однако к полной уголовной ответственности в большинстве зарубежных стран могут быть привлечены лица, достигшие, как правило, возраста 16–17 лет (США, Англия, Дания, Бельгия, Греция, Египет и др.).⁷⁶

Согласно уголовному законодательству Финляндии субъектом преступления признается лицо, достигшее возраста 16 лет. В УК Финляндии 1894 г. с последующими многочисленными изменениями в § 1 Общей части говорится, что деяния, которые совершаются детьми до достижения 15-летнего возраста, не влекут уголовного наказания.⁷⁷

В ряде стран Европы и Азии современное уголовное право возникло и развивалось как право социалистического типа и поэтому принципиально отличается от уголовного права Англии, США, Франции, ФРГ, Японии и т. д. Так, уголовное законодательство, например, Венгрии, Румынии, КНДР, Болгарии и других стран субъектом преступления признает физическое лицо, как правило, в возрасте 14 лет. В УК Болгарии содержится указание, что уголовная ответственность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет наступает в том случае, если они во время совершения преступления понимали совершаемое деяние. В бывшей Чехословакии уголовная ответственность была предусмотрена с 15 лет; в Монголии – с 16; в Польше – с 17 лет, а ответственность лиц, совершивших преступления в возрасте от 14 до 17 лет, предусмотрена специальным законом; на Кубе – с 16 лет, а за отдельные специально предусмотренные в законе преступления – с 14 лет.⁷⁸

Установление одинакового возраста (14–16 лет), с наступлением которого лицо, совершившее преступление, признавалось субъектом преступления, в уголовных кодексах стран СНГ объясняется их принятием в 1960–1961 гг. в период активной систематизации и кодификации уголовного законодательства в СССР. Так, в УК Украины 1961 г. ст. 10 предусматривала наступление общей уголовной ответственности в возрасте 16 лет, а за преступления, представляющие повышенную общественную опасность, – с 14 лет.⁷⁹ Статья 10 УК 1961 г. государства Молдова также признавала субъектом преступления несовершеннолетних в возрасте 14–16 лет.⁸⁰ Следует отметить, что малолетние, не достигшие 14-летнего возраста, по уголовным кодексам бывших союзных республик уголовной ответственности не подлежат, к ним могут применяться лишь меры общественного или воспитательного характера.

В настоящее время в Российской Федерации и странах ближнего зарубежья ведется активная работа по совершенствованию уголовного законодательства. Уточняются и детализируются многие институты уголовного права применительно к новым условиям, и в частности вопросы, связанные с привлечением лица, совершившего преступление, к уголовной

⁷³ Курс советского уголовного права. С. 398.

⁷⁴ Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира: Справочник. М., 1993. С. 82.

⁷⁵ Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. С. 298.

⁷⁶ Курс советского уголовного права. С. 398.

⁷⁷ Современное зарубежное уголовное право. С. 80.

⁷⁸ Гельфер М. А. 1) Уголовное право зарубежных социалистических государств. М., 1973. С. 79–80; 2) Вопросы преступления и наказания по законодательству СССР и других социалистических стран. М., 1985. С. 42.

⁷⁹ Уголовный кодекс Украины (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15 января 1995 г.). Харьков, 1995. С. 11.

⁸⁰ Уголовный кодекс Республики Молдова (официальный текст с изменениями и дополнениями на 1 марта 1994 г.). Кишинев, 1994. С. 212.

ответственности. Ярким примером, в связи с этим, может служить УК Республики Узбекистан, принятый 22 сентября 1994 г. и вступивший в силу с 1 апреля 1995 г. В отличие от предшествующей редакции, в ст. 17 данного УК наступление ответственности предусмотрено за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 97), если лицу, совершившему указанное преступление, исполнилось 13 лет. Общей уголовной ответственности подлежат физические лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет, а за более тяжкие преступления субъектом преступления признается лицо в возрасте 14 лет.⁸¹

Наряду с рассмотренными признаками, субъект преступления должен обладать еще одним – состоянием вменяемости, т. е. отдавать отчет своим действиям и руководить ими. Невменяемые лица не могут признаваться субъектами преступления, а потому они не подлежат уголовной ответственности. К ним применяются лишь меры медицинского характера, так как не являются наказанием за совершение преступления. Сама же формула невменяемости традиционно рассматривается в уголовном праве как совокупность медицинского и юридического критериев, характеризующих психическое состояние лица во время совершения им преступления, с которым закон связывает исключение уголовной ответственности.

В зарубежном уголовном законодательстве эти вопросы на определенных этапах развития человеческого общества решались по-разному. В более раннее время в соответствии с религиозными взглядами общества опасные действия психических больных воспринимались как «беспокоительность».⁸² Поэтому требование, чтобы душевнобольные за совершенные деяния, содержащие признаки преступления, не подлежали уголовной ответственности, – прогрессивное положение, так как в Европе в XVIII в. уголовная ответственность лиц, болеющих психическими болезнями, была достаточно частым явлением, а освобождение данной категории лиц случалось довольно редко и рассматривалось как исключение.⁸³

Французский УК 1810 г. одним из первых в истории уголовного законодательства исключил уголовную ответственность в отношении лиц, которые совершили деяния, содержащие признаки преступления, в состоянии душевной болезни. В ст. 64 данного Кодекса говорится: «Нет ни преступления, ни проступка, если во время совершения деяния обвиняемый был в состоянии безумия».⁸⁴ Однако УК Франции 1810 г., а также Бельгийский уголовный кодекс 1867 г., Голландское уложение 1881 г., Норвежское уложение 1902 г. для определения понятия невменяемости пользовались в основном медицинским критерием. В XX столетии большинство уголовных кодексов зарубежных государств для определения состояния невменяемости использует не только медицинский, но и психологический критерий, которые в совокупности образуют биолого-психологический, или смешанный, критерий.

Так, общий критерий невменяемости предусмотрен в итальянском УК 1930 г., ст. 88 которого указывает: «...не является вменяемым тот, кто во время совершения действия находился вследствие болезни в таком душевном состоянии, что была исключена способность понимать и желать».⁸⁵ В соответствии со ст. 85 УК Италии невменяемое лицо освобождается от уголовного наказания, так как не является субъектом преступления.⁸⁶ Вменяемость данный Кодекс связывает также с возрастом, считая невменяемыми лиц, которым не исполнилось во время совершения преступления 14 лет.

Общий критерий невменяемости предусмотрен и в швейцарском УК 1937 г. с изменениями от 5 октября 1950 г. Согласно ст. 10 данного УК, налицо невменяемость, если винов-

⁸¹ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. Ташкент, 1995. С. 170.

⁸² Луиц Д. Р. Проблема вменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М., 1966. С. 26.

⁸³ Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. С. 285.

⁸⁴ Французский уголовный кодекс 1810 года. М, 1947. С. 115.

⁸⁵ Итальянский уголовный кодекс 1930 года. С. 24.

⁸⁶ Там же, С. 23.

ный ко времени совершения деяния находился в состоянии душевной болезни, слабоумия или тяжелого расстройства сознания, когда вследствие этого состояния лицо не может осознавать неправомерность своего деяния либо руководить своими действиями.⁸⁷

В уголовном законодательстве Англии, которое в настоящее время охватывает почти все основные институты Общей части, критерии невменяемости сформулированы неопределенно и, как правило, описаны в судебных прецедентах. Невменяемыми, например, могут признаваться только лица с дефектами в интеллектуальной области; расстройство же эмоций и воли допускается вообще не принимать во внимание. Правовые предпосылки невменяемости изложены в «правилах Мак-Натена» 1843 г.

С ответственностью и виной достаточно тесно связано понятие невменяемости в уголовном законодательстве США. Примерный УК (США) в п. 1 ст. 4.01. определяет невменяемость таким образом: лицо не может отвечать за преступление, во время которого оно вследствие психической болезни или неполноценности в существенной степени лишено способности отдавать себе отчет в преступности (упречности) своих действий или согласовывать свое поведение с требованиями закона.⁸⁸ Однако до сих пор во многих штатах при решении вопроса о вменяемости суды исходят из английского прецедентного законодательства, и в частности вышеупомянутых «правил Мак-Натена», пользуясь при этом и понятием уменьшенной вменяемости.

Невменяемость в УК ФРГ регулируется § 20, где говорится, что вина отсутствует, если лицо в момент совершения деяния вследствие болезненного психического расстройства, глубокого расстройства сознания или слабоумия, а также другого тяжелого психического отклонения не способно осознавать противоправность своих действий или отдавать себе отчет в содеянном.⁸⁹

По уголовному законодательству Японии невменяемые лица, совершившие преступление, не подлежат уголовному наказанию и, следовательно, не являются субъектами преступления (в ч. 1 ст. 39 УК Японии).⁹⁰

Детальный анализ уголовного законодательства зарубежных государств показывает, что в некоторых странах, как в прошлом, так и в настоящее время, вопросы, связанные с совершением лицом преступления в невменяемом состоянии, достаточно четко законодателем не разработаны либо вообще не решены, а это имеет принципиальное значение для привлечения к уголовной ответственности и определения наказания.

Так, в новом УК Франции 1992 г. законодатель попытался восполнить упущенный пробел. В ст. 122–1 говорится: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое в момент совершения деяния находилось в состоянии психического или нервно-психического расстройства, лишившего его способности осознавать или контролировать свои действия».⁹¹

В шотландском уголовном законодательстве до сих пор нет понятия уменьшенной вменяемости.⁹²

А вот, например, УК Швеции 1965 г. не содержит понятия невменяемости. К лицам, совершившим преступления под влиянием душевной болезни, умственной отсталости или другого ненормального психического состояния, применяются меры судебного реагирования. В число этих мер входит, как правило, отдача под ответственный надзор в порядке опеки над душевнобольными лицами, которые направляются для амбулаторного психиатрического лечения.⁹³

⁸⁷ Современное зарубежное уголовное право. С. 320.

⁸⁸ Примерный уголовный кодекс (США). С. 80.

⁸⁹ Уголовное право буржуазных стран. С. 229.

⁹⁰ Там же. С. 303.

⁹¹ Новый Уголовный кодекс Франции. С. 10.

⁹² Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира. С. 33.

⁹³ Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность: Докт. дис. Л., 1969. С. 255.

В уголовных кодексах бывших социалистических стран понятие невменяемости по своему содержанию мало чем отличается от понятия, которое дано в Основях уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., хотя и имеет свои специфические черты. В этих странах невменяемые лица, совершившие преступления, не подвергаются уголовной ответственности и наказанию. Так, в ст. 7 УК МНР 1961 г. сказано: «Не признается виновным и не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния».⁹⁴ Таким образом, понятие невменяемости в УК МНР тождественно понятию, которое дается в ст. 11 вышеупомянутых Основ 1958 г. Нормы аналогичного содержания невменяемости или в несколько иной интерпретации имеют место в уголовных кодексах Болгарии, бывшей Чехословакии и других стран. В отношении же лиц, которые совершили преступления в состоянии вменяемости, но до вынесения судом приговора были признаны невменяемыми, применяются принудительные меры медицинского характера.

Следует отметить, что в уголовных кодексах Венгрии и Югославии предусмотрен институт уменьшенной вменяемости, который, как правило, является основанием для смягчения наказания. Следовательно, если лицо совершает общественно опасное деяние вследствие душевной болезни, слабоумия или временного расстройства сознания, согласно понятию об уменьшенной вменяемости оно признается субъектом преступления.

Понятие невменяемости в новых уголовных кодексах стран СНГ в основном аналогично понятию невменяемости, которое определено ст. 11 Основ 1958 г. Так, в ст. 18 УК Республики Узбекистан сказано: «Не подлежит ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло сознавать значение своих действий или руководить ими вследствие хронической психической болезни, временного расстройства психики, слабоумия либо иного болезненного психического расстройства».⁹⁵ Формула невменяемости аналогичного содержания с небольшими редакционными отступлениями содержится и во вновь принятых уголовных кодексах Украины (ст. 12) и Молдовы (ст. 11). Другие страны СНГ, в которых ведется работа по совершенствованию уголовного законодательства, также придерживаются традиционных взглядов на понятие невменяемости.

Таким образом, понятие невменяемости представляет собой совокупность биологического и юридического критериев, которые, несомненно, требуют дальнейшего изучения, уточнения и совершенствования с точки зрения медицины, теории уголовного права и судебной практики. Проблема субъекта преступления нуждается в серьезных и углубленных исследованиях криминалистов всего мира, а также в более широком освещении в юридической литературе.

⁹⁴ Уголовный кодекс Монгольской Народной Республики (официальный текст с изменениями и дополнениями на 1 мая 1967 г.). Улан-Батор, 1969. С. 9.

⁹⁵ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. С. 172.

Новый уголовный кодекс Российской Федерации⁹⁶

Наконец, наше государство получило систематизированный уголовный закон, который прошел достаточно сложный и трудный путь к моменту вступления его в силу 1 января 1997 г. Предшествовавший ему Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. и другие законодательные акты, содержащие уголовно-правовые нормы, принятые более трех с половиной десятилетий назад, в значительной степени устарели и не отвечали коренным изменениям и преобразованиям, происходящим во всех сферах жизнедеятельности общества и государства.

При этом следует отметить, что многие уголовно-правовые нормы не только устарели, но и утратили свою силу, другие не действовали с момента их принятия, а это создавало для правоприменительных органов, общественности и т. п. определенные трудности в борьбе с преступностью и порождало в сознании правонарушителей безнаказанность за совершенные преступления. В УК РСФСР 1960 г. имелись нормы, которые противоречили друг другу, а некоторые из них не соответствовали международным правовым документам о правах человека.

Другим немаловажным обстоятельством, обусловившим принятие нового Уголовного кодекса РФ, явилось внесение законодателем, особенно за последние годы, многочисленных изменений и дополнений, которые сделали громоздким Уголовный кодекс и затруднили пользование им, а также отрицательно повлияли на систематизацию уголовного законодательства в целом.

В свою очередь, другой важной причиной принятия нового единого российского уголовного закона явилось и то, что старое законодательство уже не могло успешно применяться и быть действенным оружием с современными формами и видами преступности, которая в качественном отношении существенно изменилась. Так, например, появились новые для нашего общества виды опасных преступлений (терроризм, вандализм, пиратство, преступления в сфере компьютерной информации, а также ряд преступлений против мира и безопасности человечества: геноцид, экоцид, наёмничество и др.), что предопределило разработку и создание новых уголовно-правовых новелл, которые и нашли свое законодательное разрешение в Уголовном кодексе России.

Из содержания и структуры нового уголовного закона вытекают главные задачи, направленные на обеспечение охраны и защиту основных правил и свобод интересов личности, человека и гражданина, конституционного строя, равная охрана всех форм собственности, общественного порядка и общественной безопасности, борьба с преступностью во всех ее проявлениях и др. Вот далеко не полный перечень основных направлений в борьбе с преступностью, которые стоят перед Уголовным кодексом РФ. При этом новый уголовный закон в отличие от УК РСФСР 1960 г. более конкретен и лаконичен в определении различных видов преступлений и решении вопросов, связанных с назначением и освобождением от наказания, основанных на наиболее важных принципах уголовного права, которые нашли свое законодательное закрепление.

Так что же из себя представляет новый Уголовный кодекс Российской Федерации, который вступит в силу с 1 января 1997 г.?

Прежде всего, следует отметить, что он, как и предшествовавшие ему уголовные кодексы 1922, 1926 и 1960 гг., традиционно состоит из Общей и Особенной частей, которые объединяют 12 разделов, 34 главы и 360 статей. Общая часть состоит из 6 разделов:

- 1) уголовный закон;

---

⁹⁶ Печатается по: Павлов В. Г. Новый Уголовный кодекс Российской Федерации // Жизнь и безопасность. 1996. № 4. С. 60–64.

- 2) преступление;
- 3) наказание;
- 4) освобождение от уголовной ответственности и наказания;
- 5) уголовная ответственность несовершеннолетних;
- 6) принудительные меры медицинского характера.

В названные 6 разделов Общей части УК РФ входят 15 глав и 104 статьи.

Особенная часть также объединяет 6 разделов:

- 7) преступления против личности;
- 8) преступления в сфере экономики;
- 9) преступления против общественной безопасности и общественного порядка;
- 10) преступления против государственной власти;
- 11) преступления против военной службы;

и, наконец, последний раздел составляют:

12) преступления против мира и безопасности человечества. 6 разделов Особенной части объединяют 19 глав и 256 статей. Такова структура нового Уголовного кодекса РФ.

Если говорить об Общей части, то сразу следует обратить внимание на существенные изменения, дополнения и уточнения, произведенные законодателем во 2-м разделе, в котором говорится о преступлении. Данным разделом охватываются основные институты уголовного права РФ.

Это нормы, раскрывающие само понятие преступного деяния, виды преступлений, понятие вины и ее формы, институты необходимой обороны, крайней необходимости и задержания преступника и др. Соблюдая традиционный подход в понимании преступления и формулируя более четко его определение, законодатель сохраняет в нем основные признаки, которые характеризуют преступное деяние: общественную опасность, виновность, противоправность и наказуемость.

В ст. 14 УК РФ говорится, что преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, которое запрещено уголовным законом под угрозой наказания. Уточнен законодателем и волевой момент косвенного умысла, а также признаки, характеризующие неосторожную форму вины, что имеет существенное значение при квалификации преступлений и решении вопросов, связанных с уголовной ответственностью и назначением наказания. Относительно обстоятельства, исключающего общественную опасность и противоправность деяния – задержания преступника надо сказать следующее, что в теории и практике данный институт зачастую отождествляется с институтом необходимой обороны. Юридическая природа мер по задержанию преступника в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. не нашла своего отражения. Данный институт регламентировался Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство», а также был предусмотрен в уголовных кодексах бывших союзных республик Украины, Эстонии и Узбекистана.

Таким образом, впервые в Уголовном кодексе России появилась норма (ст. 38), которая предусматривает причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, рассматриваемое законодателем как общественно полезное действие, если при этом, разумеется, со стороны осуществляющего задержание соблюдены условия правомерности, которые и составляют сущность и содержание данного института.

Однако наряду с указанным институтом задержания преступника впервые нашли свое законодательное закрепление в УК РФ и обстоятельства, исключающие преступное деяние, такие, как: физическое или психическое принуждение (ст. 40); обоснованный риск (ст. 41); исполнение приказа или распоряжения (ст. 42). При этом среди названных обстоятельств особо привлекает внимание последнее. Если в УК РСФСР 1960 г. действовало правило об уголовной ответственности за исполнение преступного приказа или распоряжения, то в новом УК РФ исполнитель приказа фактически совершает общественно опасное деяние, предусмотрен-

ное уголовным законом. Однако в соответствии со ст. 42 оно не признается преступлением. Уголовную ответственность за него несет лицо, которое отдало незаконный приказ или распоряжение. Вместе с тем, если лицо, умышленно совершившее преступление во исполнение заведомо незаконного приказа или распоряжения, в соответствии с ч. 2 ст. 42 УК РФ несет уголовную ответственность на общих основаниях.

Совсем необычно представлена в новом УК РФ и система наказаний по сравнению с УК РСФСР 1960 г. При этом наиболее тяжкие наказания: лишение свободы; исправительные работы без лишения свободы; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и др. возглавляли старую систему наказаний, т. е. она была построена по принципу от тяжкого наказания к более легкому наказанию. Не входила в систему наказаний предусмотренная ст. 23 УК РСФСР исключительная мера наказания – смертная казнь, которая за время существования нашего государства неоднократно отменялась и вновь вводилась.

С учетом коренных изменений, происходящих в обществе за последние годы, и осуществления карательной политики государства на современном этапе его развития система уголовных наказаний в новом УК РФ построена по противоположному принципу: от менее тяжкого наказания к более тяжкому. Уголовные наказания в новой системе (ст. 44) расположены в следующей последовательности: штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе; конфискация имущества; ограничение свободы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы, и на 13-м месте расположено самое суровое наказание, которое и завершает данную систему, – смертная казнь.

Следует отметить, что применение исключительной меры наказания в новом Уголовном кодексе значительно ограничено и допускается законом, если имеет место посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; при совершении убийства с отягчающими обстоятельствами, перечень которых законодателем уточнен и дополнен (ст. 105); при посягательстве на жизнь лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование (ст. 295), а также при посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317); и, наконец, за действия, которые направлены на полное или частичное уничтожение расовой, национальной, этнической или религиозной групп путем убийства представителей этих групп либо причинения тяжкого вреда их здоровью (геноцид).

Однако при применении смертной казни законодатель предусмотрел альтернативное наказание – пожизненное лишение свободы. Данные санкции дают возможность суду при вынесении обвинительного приговора с учетом всех имеющихся обстоятельств по делу право выбора. Перечень же уголовных наказаний, входящих в систему, является исчерпывающим и расширению не подлежит.

Что же касается пожизненного лишения свободы, которое занимает в системе наказаний предпоследнюю ступень в новом УК РФ, то оно применяется за особо тяжкие преступления и достаточно четко ограничено законом, так как не может быть назначено женщинам, лицам, совершившим преступление в возрасте до 18 лет, и мужчинам старше 65 лет. Однако применение данного вида уголовного наказания в условиях действующей пенитенциарной системы, которая в настоящее время требует коренной реорганизации и дополнительных финансовых вложений со стороны государства, пока затруднит его реализацию.

В новой системе наказаний мы уже не встретим общественного порицания, которое практически судами не применялось, и такого наказания, как увольнение от должности и возложение обязанности загладить причиненный вред. Лица, осужденные к данным видам наказания в соответствии с Федеральным законом РФ «О введении в действие Уголовного кодекса Рос-

сийской Федерации» от 24 мая 1996 г., освобождаются от дальнейшего отбывания наказания со снятием с них судимости (ст. 5).

Вместе с тем законодатель предусмотрел в новой системе 4 вида наказаний, не имевших места в старом Уголовном кодексе 1960 г.:

- 1) обязательные работы;
- 2) ограничение по военной службе;
- 3) ограничение свободы и;
- 4) арест.

Обязательные работы состоят, прежде всего, в выполнении осужденным в свободное от основной работы, а также учебы время различных бесплатных общественных работ на пользу общества. Уголовный закон определяет продолжительность обязательных работ от 60 до 240 часов (для лиц, которые совершили преступление в совершеннолетнем возрасте). Указанные работы отбываются виновными лицами не свыше 4 часов в день (ст. 49). Закон возлагает исполнение данного вида наказания на уголовно-исполнительные инспекции органов внутренних дел по месту жительства осужденного. Вид же обязательных работ определяется непосредственно органами местного самоуправления. В свою очередь инспекции ведут учет и контроль за поведением осужденных, согласовывая объекты обязательных работ с местными органами самоуправления. При этом обязательные работы не могут быть назначены лицам, которые являются инвалидами 1-й и 2-й групп, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до 6 лет, а также женщинам в возрасте 55 лет и мужчинам в возрасте 60 лет. Это наказание не применяется и к военнослужащим, проходящим военную службу по призыву (ч. 4 ст. 49).

Другое новое название – ограничение по военной службе, предусмотренное ст. 51, применяется к осужденным военнослужащим, которые проходят военную службу по контракту. Во время прохождения военной службы из денежного содержания осужденного производятся удержания в размере, установленном приговором суда, однако не более 20 %. При этом в период отбывания данного вида наказания осужденный военнослужащий не может быть повышен как в должности, так и в воинском звании. В свою очередь, срок наказания не может быть засчитан в срок службы лет.

Вызывает определенный интерес своей новизной и такой вид уголовного наказания, как ограничение свободы (ст. 53 УК), которое заключается в содержании осужденного, достигшего к моменту вынесения приговора 18 лет, в специальном учреждении без изоляции от общества в определенных условиях осуществления над ним надзора. Лица, осужденные к данному виду уголовного наказания, обычно отбывают его в колониях-поселениях на территории РФ по месту постоянного жительства или осуждения.

Что же касается такого вида наказания, как арест, то согласно ст. 54 УК он состоит в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества и может быть назначен на срок от 1 до 6 месяцев. По своей сущности арест представляет собой как бы кратковременное лишение свободы, так как лицо, осужденное к данному виду наказания по приговору суда, подлежит строгой изоляции от общества и помещается в специальное учреждение, в котором находится под постоянным надзором, при осуществлении над ним жесткого режима не имея права покидать данное учреждение до окончания срока наказания. Арест не применяется к лицам, которые не достигли к моменту вынесения приговора 16-летнего возраста, беременным женщинам и женщинам, имеющим детей до 8 лет. Что же касается военнослужащих, то они отбывают данный вид наказания на гауптвахте.

Следует отметить, что в соответствии с Федеральным законом РФ от 24 мая 1996 г. к лицам, осужденным к наказаниям в виде обязательных работ и ареста, они могут применяться судом после вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса РФ и создания соответствующих условий для их выполнения, однако не позднее 2001 г. (ст. 4).

Новым в Уголовном кодексе нашего государства, основанном на принципах: законности; равенства граждан перед законом; вины; гуманизма и принципе социальной справедливости, явилось то, что в нем предусмотрены специальные нормы (раздел 5), которыми установлены особенности ответственности несовершеннолетних и определены им наказания. Хотя минимальный возраст, с которого несовершеннолетние подлежат уголовной ответственности, остался, как и в УК РСФСР 1960 г., – 14 лет, однако уголовные наказания законодателем несколько уточнены и представляют собой: штраф; лишение права заниматься определенной деятельностью; обязательные работы; исправительные работы; арест; лишение свободы на определенный срок (ст. 88).

Вместе с тем к несовершеннолетним в соответствии со ст. 90 УК РФ, впервые совершившим преступления небольшой или средней тяжести и освобожденным от уголовной ответственности, при необходимости могут быть назначены следующие принудительные меры воспитательного характера:

- предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, которые их заменяют, или специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред;

- ограничение досуга, а также установление особых требований к поведению данной категории правонарушителей.

При этом необходимо заметить, что уголовное наказание, применяемое к несовершеннолетним, как и к взрослым преступникам, преследует главную цель – исправление осужденного, а также предупреждение совершения новых преступлений как со стороны лица, отбывающего наказание, так и других граждан, т. е. речь идет в последнем случае о вопросах частной и общей превенции.

Что же касается освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания, то здесь имеются свои особенности, характеризующиеся более упрощенными условиями их применения по отношению к взрослым преступникам. Так, например, в соответствии со ст. 94 УК РФ срок давности, предусмотренный ст. 78 УК при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности или от наказания, сокращается наполовину, а ст. 93 УК РФ устанавливает сокращенные сроки, после отбытия которых к несовершеннолетним может быть применено условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания наказания.

Последний шестой раздел «Принудительные меры медицинского характера» завершает Общую часть нового Уголовного кодекса РФ. Целью применения принудительных мер медицинского характера является излечение лиц, которые совершили преступления в состоянии невменяемости и страдающих психическими расстройствами, которые не исключают вменяемости в момент совершения преступного деяния. Применение данного лечения осуществляется также в отношении лиц, у которых после совершения преступления произошло психическое расстройство, в результате чего применение уголовного наказания становится невозможным, или к лицам, совершившим преступление, но по решению суда нуждающихся в принудительном лечении от алкоголизма или наркомании.

Более существенные изменения по сравнению со второй половиной УК РСФСР 1960 г. претерпела Особенная часть нового Уголовного кодекса. Причем главной отличительной чертой является ее коренное структурное изменение соответствующих глав и появление новых разделов, занимающих нетрадиционное место в Особенной части УК. В свою очередь, реконструкция всей системы Особенной части объясняется всесторонними и глубокими изменениями, имеющими место и в самой структуре общества в сфере экономики, политики, социальной и духовной жизни нашего государства, а также общим состоянием преступности в нем. Последнее позволяет решать вопросы не только криминализации новых составов преступлений с введением их в Особенную часть УК, но и исключать из нее те преступные деяния, кото-

рые перестают быть преступлениями, переводя их в разряд правонарушений, не представляющих общественной опасности, которые могут быть предусмотрены другими отраслями права.

Подверженность Особенной части УК РФ более интенсивным изменениям и дополнениям объясняется не только сущностью проводимых реформ у нас в стране во всех сферах жизнедеятельности общества, но и необходимостью приведения, как ранее уже отмечалось, всего уголовного законодательства в соответствие с международными документами и положениями, что позволяет законодателю принимать нормы, направленные на защиту прав и свобод человека в новых условиях развития личности, общества и государства.

В связи с этим следует отметить, что новая система Особенной части УК РФ проработана законодателем более детально с уточнением как общих, так и родовых объектов посягательства. Данное обстоятельство позволяет избегать постоянных ошибок в судебно-следственной практике, связанных с решением вопросов квалификации преступлений, привлечения к уголовной ответственности, назначения наказаний и др.

В отличие от уголовных кодексов РСФСР 1922, 1926, 1960 гг., Особенная часть которых начиналась с государственных преступлений, новый Уголовный кодекс нарушает эту традицию. Его Особенная часть начинается с 7-го раздела «Преступления против личности».

Тем самым, законодатель в соответствии с Конституцией Российской Федерации особо подчеркивает значение охраны личности. В прошлом же на первое место ставились интересы общества и государства, что объяснялось действующей идеологией и существующим строем. Свободное же развитие личности и ее интересы игнорировались со стороны государства. Конституция же Российской Федерации законодательно закрепила не только охрану личности, но и в полном объеме провозглашает право на жизнь, здоровье и неприкосновенность.

Жизнь человека представляет собой ценное благо и всякое причинение смерти другому человеку есть одно из опаснейших преступлений. Не случайно за посягательство на жизнь предусмотрены в Уголовном кодексе суровые наказания.

Новый Уголовный кодекс РФ предусматривает следующие преступления против жизни: убийство как простое (ч.1 ст. 105), так и при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК); убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106); убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107); убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108). При этом такого преступления, как неосторожное убийство как одна из разновидностей убийств, законодатель в новом УК не предусмотрел. Любое убийство им рассматривается как умышленное противоправное лишение жизни другого человека, хотя данное положение спорно, и в юридической литературе имеются противоположные точки зрения, т. е. данный вопрос решается неоднозначно, рассматривая, например, причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК) как неосторожное убийство.

Одним из наиболее опасных убийств в новом Уголовном кодексе является убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105). В данной статье появились новые квалифицированные виды убийства (ч. 2 ст. 105), например: убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а также сопряженное с похищением человека или захватом заложника, п. «в»; убийство, совершенное организованной группой, п. «ж»; по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством и бандитизмом, п. «з»; по мотиву национальной или расовой, а также религиозной ненависти или вражды, п. «л»; убийство в целях использования органов или тканей потерпевшего, п. «м» и убийство, совершенное неоднократно, п. «н».

Посягательство на жизнь предусмотрено и в других главах Особенной части нового Уголовного кодекса РФ (ст. 277, 295 и 317), о которых упоминалось при анализе Общей части УК.

К числу опасных преступлений после посягательств на жизнь человека законодатель относит и преступления против здоровья, которые носят достаточно распространенный характер и охватываются также 16-й главой 7-го раздела. По существу данная группа преступле-

ний особых изменений не претерпела, если не считать, что несколько детализированы составы, предусматривающие ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 2 и 3 ст. 111) и за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ч. 2 ст. 112), в них указаны квалифицирующие признаки. Что же касается ст. 112 УК РСФСР, которой установлена уголовная ответственность за умышленное причинение легких телесных повреждений, то она распалась в новом Уголовном кодексе на две статьи – умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115) и побои (ст. 116).

Однако нельзя не отметить, что в данной группе преступлений, посягающих на здоровье человека, появился новый состав. Так, уголовная ответственность теперь предусмотрена за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120). Принятие этой уголовно-правовой нормы обосновывается тем, что в судебно-следственной практике, особенно в последние годы, имеют место принудительные посягательства на здоровье живого донора с целью изъятия у него органов или тканей (сердца, почки, легкого, костного мозга, печени и т. п.) для пересадки другому человеку.

Вместе с тем наряду с преступлениями против жизни и здоровья 7-м разделом предусмотрены и преступные деяния, которые направлены против свободы, чести и достоинства личности: похищение человека (ст. 126); незаконное лишение свободы (ст. 127); незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 128); клевета (ст. 129) и оскорбление (ст. 130). Глава 18 предусматривает преступления, посягающие на половую неприкосновенность и половую свободу личности.

Самым опасным из половых преступлений является, как и в УК 1960 г., изнасилование (ст. 131), состав которого законодателем несколько уточнен путем добавления квалифицирующих признаков. Указанной главой предусмотрены и преступные деяния, связанные как с открытым сексуальным насилием, так и с грубым нарушением норм половой морали со стороны совершеннолетних преступников по отношению к лицам более молодого возраста. К таким преступлениям относятся: насильственные действия сексуального характера, за совершение которых предусмотрена ответственность как за мужеложство, так и впервые за лесбиянство (ст. 132); половое сношение и другие действия (ст. 134) и развратные действия (ст. 135). Однако если УК РСФСР 1960 г. предусматривает в ст. 120 развратные действия только в отношении несовершеннолетних, то новый УК расширяет круг потерпевших, устанавливая ответственность за совершение развратных действий без применения насилия в отношении лиц, которые заведомо для виновного не достигли 14-летнего возраста независимо от принадлежности к полу.

Далее следует отметить, что охрана прав и свобод человека и гражданина является также важной задачей, стоящей перед новым уголовным законодательством России. В связи с этим обратимся к главе 19, которой объединены преступления, посягающие на конституционные права и свободы человека и гражданина. В названную главу включены новые преступления, связанные с нарушением неприкосновенности частной жизни (ст. 137) и отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140). Субъектом преступления, предусмотренного ст. 140, является, как правило, лицо, обладающее в установленном порядке документами и материалами, затрагивающими какие-либо права и свободы гражданина, либо государственный служащий.

Завершает 7-й раздел глава 20, в которую входят преступления, совершаемые против семьи и несовершеннолетних, что придает значимость вопросам охраны семьи и подрастающего поколения, которое в последнее время зачастую находится вне социального контроля как со стороны государства, так и со стороны лиц, обязанных заниматься этой деятельностью. Среди преступлений, охватываемых данной главой, вызывает определенный интерес ст. 156, которой предусмотрена ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних лиц в отношении родителей, опекунов (попечителей), педагогов или иных

лиц, на которых возложены обязанности проведения такой работы, если это соединено с жестоким обращением к воспитуемым.

Преступления, представляющие большую общественную опасность, помещены законодателем в 8-й раздел, который называется «Преступления в сфере экономики». Этот раздел сконструирован с учетом коренных изменений и преобразований, происходящих в экономической и хозяйственной деятельности государства. Так, при посягательстве на собственность, в соответствии с Основным законом нашего государства и уголовным законодательством, независимо от форм собственности обеспечивается их равная охрана. Главой 21 предусмотрены различные формы хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи (ст. 158); мошенничества (ст. 159); присвоения или растраты (ст. 160); грабежа (ст. 161); разбоя (ст. 162).

Особое внимание в новом УК уделено преступлениям в сфере экономической деятельности (глава 22). С учетом новых экономических отношений переходного периода к рынку и новых складывающихся отношений в процессе осуществления хозяйственной деятельности в данной главе появилось много новых составов преступлений, ранее не имевших места в нашем уголовном законодательстве. К таким преступлениям относятся, например: регистрация незаконных сделок с землей (ст. 170); незаконная банковская деятельность (ст. 172); лжепредпринимательство (ст. 173); легализация (отмывание) денежных средств, а также иного имущества, приобретенных незаконным путем (ст. 174); незаконное получение кредита (ст. 176); заведомо ложная реклама (ст. 182); незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 183); подкуп участников профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184), преднамеренное банкротство (ст. 196) или фиктивное банкротство (ст. 197).

Таким образом, и уголовно-правовая охрана предпринимательской деятельности во всех сферах ее проявления, и охрана прав потребителей и здоровой конкуренции, а также защита финансовых интересов государства, – вот главные задачи, которым должны служить указанные статьи нового уголовного закона.

Последнюю, 23-ю главу 8-го раздела образуют «Преступления против интересов службы в коммерческих или иных организациях». К этим преступлениям относятся следующие деяния: злоупотребление полномочиями (ст. 201); злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202). Среди названных составов преступлений вызывает интерес своей новизной ст. 204, которой предусмотрена ответственность служащих частных охранных и детективных служб, деятельность которых регламентирована Законом РФ от 11 марта 1992 г. «О частной детективной и охранной деятельности». Данное преступление характеризуется тем, что указанные лица превышают свои полномочия, предоставленные лицензией на занятие частной детективной и охранной деятельностью вопреки ее целям и задачам, сопряженные с применением насилия или с угрозой его применения. Данные деяния не должны носить вынужденный характер.

В разделе 9, который является одним из центральных разделов Особенной части нового УК, представлен весьма широкий спектр самых различных преступлений, посягающих не только на общественную безопасность, общественный порядок и здоровье населения, но и на экологию, безопасность движения и эксплуатацию транспорта, о также предусмотрены преступные деяния в сфере компьютерной информации. Так, например, глава 24 объединяет круг преступлений, направленных против общественной безопасности, которые в УК 1960 г. размещены в различных главах Особенной части: бандитизм (ст. 77); массовые беспорядки (ст. 79); хулиганство (ст. 206); угон воздушного судна (ст. 213²); терроризм (ст. 213³); небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 219) и др.

Таким образом, законодатель более четко обозначил родовой объект посягательства данной группы преступлений, причиняющих вред общественной безопасности и общественному порядку. Однако наряду с ранее известными преступлениями в главе 24 имеют место и новые

составы преступлений, среди которых прежде всего следует выделить, например: вандализм, предусматривающий действия, связанные с осквернением каких-либо зданий или сооружений или порчей имущества в общественном транспорте или в других общественных местах (ст. 214); пиратство, связанное с нападением на какое-либо морское, речное судно в целях завладения чужим имуществом, которое сопровождается применением насилия или угрозой его применения (ст. 227). Существенные изменения внесены законодателем в наиболее распространенное преступление, посягающее на общественный порядок, – хулиганство (ст. 213).

Большая группа преступлений 9-го раздела находится в главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Ряд преступных деяний носят распространенный характер. К ним относятся общественно опасные деяния, связанные с наркотическими средствами (ст. 228–233); вовлечение в занятие проституцией (ст. 240) или организация и содержание притонов для занятия проституцией (ст. 241) и другие преступления. В данной главе необходимо выделить новый состав преступления, которым предусмотрена ответственность за действия, связанные с сокрытием или искажением информации о событиях и фактах, а также каких-либо явлениях, создающих опасность для жизни и здоровья или для окружающей среды, когда они совершаются лицом, обязанным по долгу службы обеспечивать население такой информацией (ст. 237).

Приведена в более строгую систему и глава 26 «Экологические преступления», в которой нашли свое место ряд новых преступлений. Так, в ней предусмотрена ответственность за порчу земли (ст. 254); нарушение правил охраны и использования недр (ст. 255); нарушение режима особо охраняемых природных территорий, а также природных объектов (ст. 262) и т. п.

В главе 27 объединены преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, которые в УК 1960 г. были значительно разбросаны по другим главам. В новом УК эта глава, предусматривающая ответственность за нарушение безопасности движения и эксплуатации различных видов транспорта, построена более логично и более осмысленно. Появились в ней и новые виды преступлений как оставление места дорожно-транспортного происшествия (ст. 265) или нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов (ст. 269).

Завершает 9-й раздел глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». Эти преступления для нашего уголовного законодательства представляют определенную новизну в связи с интенсивным развитием и использованием в стране самой разнообразной информации. Указанная глава охватывает следующие виды преступлений: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272); создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ (ст. 273) и нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ст. 274).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.